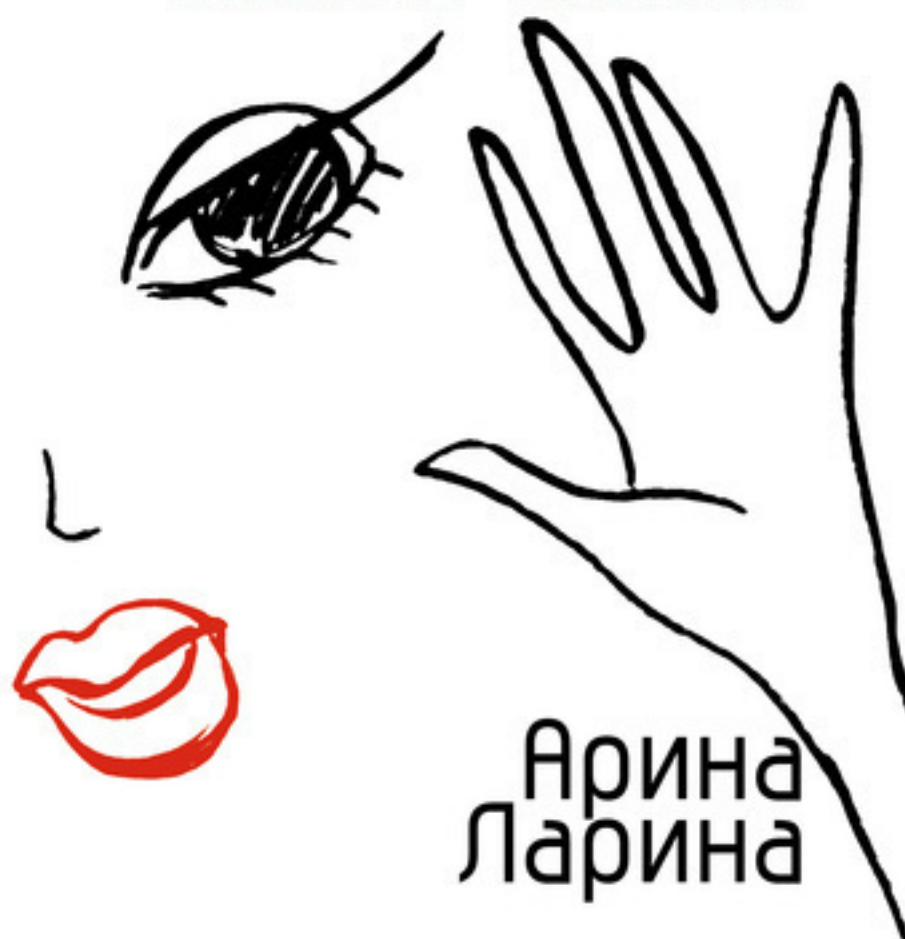

Жених эконом-класса

Арина
Ларина

комедийный любовный роман

Арина Ларина

Жених эконом-класса

«ЭКСМО»

Ларина А.

Жених эконом-класса / А. Ларина — «Эксмо»,

ISBN 5-699-19114-3

Священное слово «замуж» приводило Катю в трепет. С мужчинами ей не везло – никто из них не торопился сделать ей предложение руки и сердца. Но вдруг, откуда ни возьмись, один герой нашелся! Предложение также поступило – переехать жить в коммуналку и... найти хорошую работу, чтобы содержать его, любимого. Катя ринулась исполнять требования, устроилась в приличную фирму секретаршей. И случилось чудо: на нее посыпались знаки внимания красавца-начальника. Влюбился! Что делать – ответить взаимностью или хранить верность жениху эконом-класса?..

ISBN 5-699-19114-3

© Ларина А.

© Эксмо

Содержание

Арина Ларина	5
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Арина Ларина

Жених эконом-класса

– Николаева, ты клад! Повезет же какому-то мужику! – громогласный рекламный слоган в исполнении Елизаветы взмыл под своды метрополитена, гулко ткнулся в яркую цепь светильников и шлепнулся на головы пассажиров, напряженно высматривавших в недрах тоннеля огни приближающегося поезда. Народ с нескрываемым интересом начал коситься в сторону «пиарщицы» и ее покрасневшей спутницы.

– Но нас что попало не устроит, вариант должен быть не временным, а постоянным, как мавзолей или пирамида Хеопса. – Лиза решила внести коррективы в свое выступление, сурово отсекая неблагонадежных представителей сильного пола, связанных узами брака, но мнящих себя свободными.

Катя тоскливо возвела глаза к потолку. Подруг ближе Лизы у нее не было, но как иногда хотелось заклеить любимой подруге рот...

– Лизавета, ори потише, – безнадежно вздохнула она, сосредоточенно разглядывая гранитную плитку под ногами.

Но мадемуазель Кротова тихо говорить не умела. Елизавета вообще ассоциировалась у окружающих с небольшим торнадо, налетавшим и подминавшим под себя все: внимание, мысли и попытки противостояния. После ее набегов от оппонентов в моральном плане оставалась лишь гладкая поверхность. Иногда мокрое место. Лиза Кротова была крупной, но блеклой девицей, с лихвой компенсировавшей недостатки внешности манерой общения. В любой компании она была не центром, а центрифугой, закручивавшей всех в нужном ей направлении. Женщины Кротову любили как некондиционный товар на рынке невест, который не составляет конкуренции и потому не опасен, а мужчины побаивались. Невзирая на перманентное отсутствие личной жизни, Лиза излучала оптимизм, как термоядерная бомба радиацию, сметая все на своем пути.

Спас ситуацию сквозняк, вытянувший из тоннеля грохочущую электричку. Но спасение это оказалось временным: Кротова всегда доводила мысль до конца, поэтому проще было ее выслушать, чем пытаться перебить.

– Запомни, Николаева, хорошо быть найденным кладом. Бабы – не золото, долго храниться не могут! Особенно в земле!

Тут Елизавета начала радостно ржать. Видимо, фантазии на тему плохо сохранившейся подруги ее чрезвычайно развеселили. Если бы все происходило тет-а-тет, то Катя легко пережила бы мелкие недостатки кротовского воспитания, но в переполненном вагоне электрички обсуждение перспектив ее личной жизни и стратегии добывания будущего счастья раздражало невероятно.

Поэтому она аккуратно ткнула Елизавету в бок и прошипела:

– А слабо помолчать полчаса?

– Слабо! – еще громче заговорила Кротова. Она свято верила в то, что таким образом излечивает любимую подругу от комплексов, мешающих той строить отношения с окружающим миром. Именно мягкотелость и излишки воспитания позволяли мужчинам портить жизнь вот таким рафинированным интеллигенткам. – Клад должен лежать на поверхности!

– Да, – неожиданно поддержал ораторшу тощий субъект лет пятидесяти, с остатками взъерошенной прически на лысеющем черепе. – Женщина должна подавать товар лицом, а не прятать мятые помидоры на дне. Мы имеем права на достоверную информацию!

– Значит, так, юноша, – Кротова резко развернулась и смерила борца за справедливость презрительным взглядом. – Во-первых, у нас все свежее, а если вам подсовывают гнилые поми-

дору, значит, вы того заслуживаете. Во-вторых, как я посмотрю, вам вообще давно пора на диету. Мы не ваша целевая аудитория!

– И что я должна выкладывать на поверхность? – ехидно поинтересовалась у Лизы Катерина, когда они вышли из подземки на скользкий мартовский асфальт, обильно покрытый ледяной коркой и гостеприимными лужами.

– Все!

– Боюсь, все – это слишком щедро. Обилие достоинств может отпугнуть потенциального клиента, – с горькой иронией констатировала Катя, оглядывая себя в стекле ближайшей витрины. Стекло, не отягощенное дружескими обязательствами, честно продемонстрировало полненькую невысокую блондинку лет тридцати, во всяком случае, Катерина была уверена, что выглядит именно на тридцать, а не на двадцать шесть, как стояло в паспорте. У блондинки были большие глаза, нос и рот. При определенном ракурсе ее можно было бы назвать интересной, если бы она сама таковой себя считала. Но Катя ненавидела свое лицо, фигуру и, как следствие, подходящую им по комплектации судьбу, весьма неудачную. К тому же обычно рядом с Катей мощной громадой возвышалась Елизавета Кротова. Если бы Кротова не была столь упитанной, то их можно было бы сравнить с Дон Кихотом и Санчо Пансой.

– Если ты не начнешь прислушиваться к умным вещам, которые я регулярно озвучиваю, то тебе ничего не светит, – в очередной раз напомнила Кротова. – Себя надо любить. Нежно и трепетно. Надо наковырять в себе изюминок и ценить себя за их наличие.

– Вот видишь, даже ты сравниваешь меня с булкой, – подхватила ее мысль Катя, видевшая в себе пышный букет недостатков и ни одного достоинства.

– Твой поток сознания похож на траекторию полета пьяного гуся, – недовольно дернула ее за локоть Елизавета. – Я говорила про изюм, а не про булку.

– Это взаимосвязанные понятия.

– Ты что, проголодалась? Я не про тот изюм, мамаша.

– Девушки, не подскажите, который час? – дорогу им перегородили симпатичные парни, явно занятые организацией собственного досуга на ближайший вечер.

– Вам – нет! – отрезала Катерина, моментально вычислив, что кавалерам никак не больше двадцати лет.

– Чего это «нет»? – игриво хихикнула Кротова. – Очень даже «да». Надо учиться общаться с любым контингентом. Сейчас, кстати, очень распространены разновозрастные браки.

– Мы только время спросили, – обиженно прогудел один из кавалеров. – Что за девки пошли, сразу про загс!

Знакомство не состоялось. Парни быстро исчезли из поля зрения, так и не дождавшись, пока им скажут время.

– Читай знаки судьбы, – назидательно произнесла Елизавета.

– Я и читаю: от нас слиняли на приличной скорости и безо всякого сожаления. Еще и рады небось, что дешево отделались, – сказала Катя.

– С таким подходом к событиям ты обречена остаться в старых девах. С нами пытались познакомиться. По-зна-ко-мить-ся. Молоденькие, между прочим, и вполне симпатичные! О чем это говорит?

– Ну и о чем?

– Мы еще в обойме! – Кротова гордо задрала подбородок и снисходительно покосилась на Катю.

– Ключевое слово – «еще», – резюмировала Катерина и хихикнула. – Еще немного, и нам место в транспорте начнут уступать!

Но Елизавета с такой постановкой вопроса была не согласна.

– В этом твоя ошибка: если мне уступят место, то я буду считать, что это знак мужского внимания, а если тебе, то ты, конечно, сразу же впадешь в транс по поводу своей дряхлости. В этом все дело.

Катя была уверена, что все дело в их общей невезучести. Подружки уже давно повыскакивали замуж, обзавелись детьми, а они с Кротовой так и застыли в амплуа девиц на выданье. Их возможные половинки, видимо, просто обходили девушек стороной.

– ...Девушка, дай погадаю, – задумавшуюся Катю схватила за руку цыганка.

Цыганок она всегда боялась. Ее пугала не столько перспектива быть обворованной, сколько возможность сглазить или что-нибудь напортить в ее и так не особо счастливой жизни.

– Мы сами кому хочешь погадаем, – усмехнулась Елизавета. Но Катя, не желавшая ссориться с представительницей племени гадалок и ясновидящих, уже вынимала из кармана деньги.

– Счастье вам, девицы, будет. Семья будет, дети, вместе счастье найдете! – радостно и звонко пропела цыганка, ловко выхватив купюру из Катиных пальцев.

– Вот, – удовлетворенно сказала повеселевшая Катя. – Все будет хорошо.

– Еще бы она тебе за твои же деньги пакость какую-нибудь пообещала, – пожалла плечами Кротова. – Наивная ты. Меня одно смущает: чего это мы вместе счастье найдем? Может, у нас один мужик на двоих будет?

– Угу, или мы друг на дружке женимся и образуем эдакую розовую ячейку общества. Если ты гадалкам не веришь, то бояться тебе нечего, – утешила подругу Катя.

– Я не верю, но всяких обещаний не люблю. Мало ли... Сбудется еще...

– Хорошо бы, – мечтательно закатила глаза Катя.

По жестяному подоконнику барабанила мартовская капель. Одуревшие от первых теплых лучей воробьи воодушевленно скакали по перилам балкона, а погожие вечера навевали тоску, словно лакмусовая бумажка констатируя Катино одиночество.

Если смотреть на вещи объективно, то формально у Кати был кавалер. Его кавалерство тянулось уже больше десяти лет, как жвачка, налипшая на подошву. И объективно смотреть на него не было уже практически никакой возможности. На него вообще не хотелось смотреть.

Борислав, Боря, а попросту – Борюсик ухаживал за Катей еще со школы. Его телодвижения и моральные потуги даже ухаживаниями-то назвать было сложно. Боря планомерно и предусмотрительно готовил запасной аэродром.

Знакомство состоялось на Катюшино шестнадцатилетие. Когда выяснилось, что на застолье она может пригласить лишь девочек, родители решили объединить девичник со взрослым праздником, сэкономив один выходной. На праздник был зван и Борислав. Вернее, пригласили его маму, а Борюсика она прихватила для Кати, поскольку Катя позиционировалась как девочка из приличной семьи и «пока без кавалеров».

Как-то так сложилось, что одноклассницы переживали любовные драмы, разрывы, писали записочки, вели дневники, шушукались о чем-то запретном, а Катя из этой бурной девичьей жизни выпала. И дело было вовсе не в том, что она с головой ушла в учебу, собственно, успеваемость у нее была так себе, просто мальчики почему-то ею не интересовались. Катерина и рада была бы хоть какому-нибудь кавалеру, но как и где их брать – не знала. У подруг мальчики заводились сами, возникая словно из воздуха и сменяя друг друга, а у нее заводились лишь комплексы, особенно бурно расцветавшие после очередных откровений в исполнении кого-то из одноклассниц на перемене. Поэтому Борислава она ждала с трепетом и волнением. Вопрос о том, понравится ли ей юноша, вообще не стоял на повестке дня. Он был как дичь в голодные времена – выбирать не приходилось. Больше всего девушку волновало, понравится ли она гостю.

Она не понравилась.

Боря был старше Катерины на четыре года. В свои двадцать он выглядел ее ровесником, был щуплым, большелобым, очкастым и низкорослым. Точнее всего к определению его внешности подходило слово «тролль». Но осознание этого факта пришло к Катерине намного позже. В тот вечер она смотрела на парня с обожанием и изо всех сил старалась понравиться.

Толстушки были не в его вкусе. Но Боря с горечью вынужден был констатировать, что на него не реагировали не только те девушки, которые были в его вкусе, но и вообще никакие. Те немногие, с которыми ему удавалось пообщаться более близко, уходили, не оставляя надежды на продолжение романа. А для морального удовлетворения и повышения самооценки хотелось чего-то постоянного. Катя в желаемую схему вписывалась идеально, хотя, конечно, Борюсик рассчитывал на нечто другое. Во всех смыслах. Во-первых, ему нравились высокие стройные девицы с некоторой стервозностью в характере, а во-вторых, Катя была дочерью знакомых, поэтому кавалер очень напрягался, силясь понять, до каких границ можно доходить в процессе общения, чтобы не схлопотать неприятности.

В результате этого спланированного родителями знакомства Катерина получила некое подобие романтических отношений, довольствуясь разговорами по телефону раз в неделю и раз в месяц – походом в кино. Боря же продолжал поиск своей любви, имея в запасе наивное создание, изо всех сил искавшее его одобрения и смотревшее на него с детским восторгом.

Новый этап в их сложных отношениях начался лишь через несколько лет, после того как Борислав имел неосторожность влюбиться в девицу, которой он едва доставал до плеча, о чем она и поведала ему в довольно грубой форме, предложив искать что–нибудь «попроще и подешевле». Именно тогда незадачливый Ромео понял, что ему для воплощения мечты не хватает не только роста и мышечной массы, но и денег. Тогда же он и пришел к выводу, что, кроме Кати, ему ничего не светит.

Так совпало, что и Катя, сначала понявшая, что Боря не такой уж завидный кавалер, а потом осознавшая, что и она – невеста не подарок, была готова на решительный шаг. Глаза на Боря ей открыла Кротова.

– Такого хоббита – только с большого горя! – сказала она как-то громким шепотом, выпив на очередном дне рождения Катюши. С тех пор Катя вынуждена была отмечать праздники дважды: один раз в компании с Елизаветой, другой – с Борисом. Вместе их сводить было никак нельзя, поскольку эффект получался примерно такой же, как от попытки посадить в одну клетку петуха с индюком.

Но первая близость разочаровала обоих. Боря, общавшийся до этого счастливого момента только с определенным контингентом девиц, привык к несколько другой манере поведения, а Катя вообще была потрясена банальностью и скоростью мероприятия. Видимо, любовь – это было что-то другое. Наутро они разбежались, мучимые жгучим чувством неловкости и желанием никогда больше не встречаться. Но жизнь сводила их снова и снова, как слепого с глухим, которые только в тандеме могли существовать полноценно. Они стали друг для друга жилеткой, психоаналитиком и одновременно тяжелой ношей, которую и нести неумоготу, и выбросить жалко.

Суббота обещала быть нудной и муторной. В перспективе маячила генеральная уборка или поход на рынок за продуктами. Катя выбрала рынок. Сидеть в четырех стенах было уже совсем невозможно.

– Я с тобой, – обрадовалась Кротова, позвонившая, чтобы napроситься в гости.

– Тебе что, на рынок надо?

– Нет, мне нужно общество. И вообще никому не дано знать, где его подстерегает судьба! – мечтательно просопела Елизавета.

– Подстерегает кирпич, – попыталась испортить ей настроение Катерина.

– Это у тебя – кирпич! С твоим пессимизмом только такого и можно дожидаться. А у меня впереди сплошной позитив! – Настроение у Кротовой было железобетонно хорошим. – И вообще, надо чаще являть себя миру. Март – это шанс! Что у нас в марте, а?

– Коты? – предположила Катя и получила в ответ презрительный смешок.

– В марте в организме происходит гормональный всплеск. И у мужчин, хотя они и устроены неправильно, и мозг у них работает не в ту сторону тоже. Это – шанс!

– Лиза, ты обалдела? Ты что – серьезно? Лично мне не нужен мужик, у которого внутри что-то плещется. Сегодня плещется, завтра перестанет, а мне что делать?

– Николаева, ты тормоз. От старого колхозного трактора. Когда у него перестанет плескаться, он уже будет твой, со всеми потрохами и гормонами. Женщине для полноценной жизни нужен какой-нибудь стимул.

– У меня есть стимул...

– Твой Борюсик не стимул, а гриб-обабок – шляпа набок, – в сердцах рявкнула Лиза. – Полтора метра занудства и пятьдесят кило комплексов. Не о чем говорить. Идем искать нормального.

– Я вообще-то за продуктами, – напомнила Катерина.

– Одно другому не мешает. Только оденься так, чтобы мне за тебя не было стыдно. За продуктами – это не значит в галошах и дутом пальто.

Катюша вздохнула: Лиза явно собиралась произвести на торговой точке фурор своим боевым раскрасом и опозорить ее по полной программе. Идя на охоту, Кротова имела обыкновение оповещать об этом окружающих. Видимо, ей казалось, что ее половинка, тоже находящаяся в поиске, услышит призыв и рысью прискачет забирать свое счастье.

– Катюша, Боря звонит! – крикнула мама, когда

Катя уже наматывала на шею пушистый желтый шарф, тщетно пытаясь соорудить из него что-нибудь этакое. Длины шарф был невероятной, поэтому ничего экстравагантного не получалось, только некое подобие толстого хомута. Он был куплен исключительно из-за потрясающе солнечного цвета, и отказываться от обновки не хотелось, хотя Катерина уже представляла, какие эпитеты могут прозвучать в исполнении Кротовой. В очередной раз стащив непослушный шарф и с трудом подавляя желание швырнуть его на пол, Катя раздраженно прошептала:

– Скажи ему, что я уже ушла.

Мама растерянно моргнула и покраснела, видимо, формулируя порцию вранья для Бориса. Парень ей нравился, особенно он был хорош в сочетании с возрастом перезревающей дочери на фоне полнейшего отсутствия претендентов в женихи.

– К такому шарфу нужна красная шапка и зеленая куртка – будешь как светофор, – фыркнула Кротова. – Хотя ладно. В ансамбле должен быть какой-то яркий аксессуар, привлекающий внимание. Это сейчас модно.

– «Ладно» в смысле – можно не снимать? – уточнила Катя.

– Можно, – милостиво кивнула Лиза.

– А встречная критика принимается?

– Нет!

– Нет так нет, – пробормотала Катерина, слегка польщенная, что ее довольно скромный наряд был назван ансамблем.

Елизавета, конечно же, нарядилась от души, следуя очередным рекомендациям какого-нибудь ультра-молодежного журнала. Учитывая мокрый снег, валивший с неба, невзирая на календарную весну, можно было предположить, что наличие косметики в создавшихся климатических условиях скорее изуродует, нежели украсит.

– Откуда макияж? – не удержалась от ехидного вопроса Катерина. – Что нынче читает прогрессивная молодежь?

– Твое ерничанье неуместно, – гордо вскинула голову Лиза. – Да, я молодежь! И пока я себя таковой считаю, я таковой и буду!

– Ага, не стареют душой ветераны! – подтвердила Катя и прыснула.

Елизавета тоже радостно засмеялась. Обидеть Кротову было сложно. Хотя при определенных усилиях можно было попытаться, не отдавая себе отчета в том, что обида оппонента влечет за собой нанесение вреда здоровью обижающего.

Резкие порывы ветра обдавали лицо мокрой колкой пылью и гнали прохожих, словно сухие прошлогодние листья.

– Давай в кафешку зайдем, – предложила Кротова, которой надоело делать вид, что на улице весна.

– Там дорого. Кроме того, я за продуктами, – напомнила Катя.

– Дорого, это если ты собираешься плотно пообедать, а мы съедим по мороженому... Нет, лучше по чашке кофе. И вообще, кто в такую погоду ходит на рынок, перенеси свой шопинг на другой день. Там небось все продавцы давно разбежались. – Елизавета даже не ждала ответа, уже затягивая Катю в теплое нутро маленького кафе. В гардеробе тосковал швейцар, и это уже Катерине не понравилось.

– Тут дорого, – упрямо прошипела она Лизе.

– Не дороже денег, – философски изрекла подруга и решительно двинулась в зал.

Народу было немало, что несколько смутило Катю, не одетую для такого случая. Лиза обвела орлиным взором присутствующих и решительно двинулась к облюбованному столику.

– Давай в уголок, – безнадежно пискнула Катерина.

– Еще чего, нас там видно не будет.

– И хорошо.

– Плохо. Ты сюда зачем пришла?

– Кофе пить. – Катя злилась на себя за то, что не могла противостоять напору Елизаветы. Иногда безапелляционность Кротовой раздражала до зубовного скрежета, но что можно сделать с несущимся на вас трактором? Ничего. Только уступить дорогу.

– А я – нет. Кофе у меня и дома есть! – Лиза мазнула взглядом по двум мужчинам, с аппетитом поглощающим обед и изредка перебрасывающимся короткими репликами. – Вот здесь нам будет удобно.

Кате удобно не было. Она вообще чувствовала себя крайне неловко в старых джинсах и скромненьком джемпере собственного изготовления. Зато Елизавета наслаждалась вниманием, которое не мог не привлечь к себе ее громкий голос. Мужчины за соседним столиком начали на них коситься. Поймав взгляд ближайшего, Лиза картинно закинула ногу на ногу и поощрительно улыбнулась в пространство, предусмотрительно не глядя на потенциального кавалера: если что, она девушка приличная и ничего в виду не имела. Тот завороченно посмотрел на ее внушительное бедро, потом попытался поймать взгляд, чтобы понять свои шансы. Видимо, обнаружился некий диссонанс между богатством фигуры и невыразительной физиономией нимфы, поэтому он снова сфокусировался на кротовских ногах. Наблюдатель был немолод, брюнетист и умеренно симпатичен той увядающей мужской привлекательностью, которая уже не потрясает, но еще и не отталкивает.

Елизавета, к огромному Катиному удивлению и полнейшему изумлению близсидящих, начала обсуждать перспективы «Зенита» после ухода Петржелы. Во взгляде брюнета появился уже откровенный интерес, смешанный с уважением и некоторым недоумением. Его сосед лишь хмыкнул и посмотрел на Катю. Она немедленно покраснела, тут же сообразив, что сейчас по ее лицу ползают отвратительные красные пятна, и от этого смутилась еще больше. Вероятно, теоретическая разбивка на пары уже состоялась.

– Все зависит, кто теперь будет тренером, – ввязался в диалог Брюнет.

– Именно, – тут же с умным видом кивнула Кротова. – Хотя не могу сказать, что согласна с рокировкой. Петржела мне был симпатичен.

Катя в ужасе закатила глаза: видимо, в следующие выходные ей придется мерзнуть на стадионе в компании невменяемых болельщиков и орать что-нибудь из серии «Зенит – чемпион!». Чтобы хоть чем-то утешить себя, следовало получше разглядеть выделенного ей спутника. Катерина уже не сомневалась, что Кротова все распланировала, поделила и теперь будет переть к поставленной цели как бульдозер, пока не доберется до пункта назначения или не передавит всех своими гусеницами. Но посмотреть на мужчину не получалось. Девушка чувствовала, как горит лицо, как парализованный мозг силится выжать хоть какую-нибудь реплику для участия в столь животрепещущей беседе, и никак не могла поднять глаза.

Мужчины сами подсели к Кате и Лизе. Брюнета звали Анатолием, а его приятеля – Александром. При знакомстве появился повод посмотреть на кавалера, что Катю с одной стороны обрадовало, а с другой – смутило. Александр оказался слишком симпатичным, по Катиным меркам. Он был высок, жилист и бледен. Над высоким лбом нависали густые иссиня-черные волосы, а темные брови красиво разлетались к вискам. В нем было что-то картинное.

«Герой-любовник!» – мысленно вынесла приговор Катя и поежилась. Попадать под его обаяние не хотелось, так как сразу было ясно, кто будет играть первую скрипку в случае более близкого общения. Ей бы больше подошел простоватый и мужественный Анатолий, облюбованный Елизаветой. Но там уже буйным цветом колосилось полное взаимопонимание и общность душ. Во всяком случае, Кротова довольно умело строила из себя знатока футбола.

– Ты тоже болельщица? – насмешливо спросил Александр, не тратя времени на дипломатическое «выканье» и строя стиль общения под себя.

– Нет, – презрительно мотнула головой Катя. Она даже хотела не понравиться ему, интуитивно чувствуя, что уже бьется глупой мошкой в чужой паутине, и только сытость паука и отсутствие интереса к новой добыче могут ее спасти.

– Ты прелесть, – он поощрительно погладил ее по руке, отчего у Кати перехватило дыхание, заложило уши и чуть не лопнуло сердце. Это был не Борюсик. Это был первый в ее жизни настоящий мужик, от соседства с которым в голове образовывался вакуум, а в груди что-то замирало и натягивалось напряженной струной.

Если бы не Елизавета, ситуация развивалась бы до безобразия банально. Катину сопротивление было сломлено, и она уже готова была не только отведать десерт, щедро оплаченный новыми знакомыми, но и пойти на большее. Но бдительная Кротова, желавшая устроить судьбу, а вовсе не организовать себе краткосрочное приключение, мило улыбнувшись, сообщила оторопевшим мужчинам:

– Мы платим за себя сами. Согласитесь, мы не настолько близко знакомы, чтобы питаться за ваш счет.

– Так надо это исправить и познакомиться поближе, – опрометчиво брякнул простоватый Анатолий, за что немедленно был одарен уничижительным взглядом.

– Толя, неужели мы произвели именно такое впечатление? Мне жаль. Мы действительно просто зашли попить кофе. Наше знакомство было приятным сюрпризом, но не надо пытаться разглядеть в этом нечто большее. Это не свидание, а случайная встреча, не более. И никто никому ничего не должен и ничем не обязан, правда?

Толик, уже воспринимавший неоспоримые достоинства кротовской фигуры чуть ли не как личную собственность и считавший вопрос о финале вечера решенным, растерялся. А Саша посмотрел на подруг с интересом, хотя не без определенной доли скептицизма.

– Не, ну мы же не можем вот просто так взять и разойтись, – расстроено протянул Анатолий, обращаясь уже к Кате и, видимо, ища у нее поддержки. Интуитивно он угадал в ней слабое звено тандема и хватался за последнюю надежду. Нельзя сказать, что Елизавета

так уж сильно запала ему в душу и произвела неизгладимое впечатление, но в процессе явно наблюдалась какая-то незавершенность. Он чувствовал себя рыбаком, вытянувшим золотую рыбку, которая, вместо того чтобы покорно плюхнуться в ведро, начала диктовать условия.

Катя была согласна, что просто так разойтись никак нельзя, особенно учитывая красно-речивые взгляды Саши и многообещающие туманные комплименты. Но идти поперек мнения Кротовой не рискнула. Кроме того, это выглядело бы так, как будто она навязывается. Поэтому Катерина трусливо промолчала, с усиленным рвением принявшись за десерт. Тем более что, исходя из Елизаветинового выступления, его все равно пришлось бы оплатить.

– Никто и не говорит, что мы сию секунду должны разбежаться в разные стороны, но ведь можно не омрачать знакомство этим финансовым торгом. Мы девушки самостоятельные, и, когда нам захочется быть слабыми, обогретыми и накормленными, мы скажем, – Лиза снисходительно улыбнулась и с аппетитом слизнула взбитые сливки с ложечки.

Мужская часть компании примолкла, собираясь с мыслями и срочно внося мысленные коррективы в стратегию. Мозговой штурм закончился тем, что Анатолий начал пожирать Кротову глазами голодного теленка, у которого прямо из-под носа увели мамкино вымя, а Александр, извинившись, встал и ненадолго исчез.

Когда барышни расправились с фруктовым великолепием и долизали сливки, оказалось, что счет уже оплачен. Катя сжалась, ожидая Елизаветиной реакции на происшествие, но Кротова лишь пожала плечами и шепнула:

– А твой оказался шустрее. Если хочешь, еще не поздно поменяться. Ты же любишь всякие незатейливые варианты.

– Еще чего, – прошипела в ответ Катерина и цепко ухватила за Сашин локоть, громко добавив: – На улице такой жуткий гололед.

Саша оказался последовательным в своем джентльменстве и никаких непристойных предложений делать не стал. В отличие от Толика.

– Вообще-то мы сегодня в баню вечером собирались, – застенчиво стрельнул глазами Анатолий. Фраза была адресована скорее Кротовой.

Последняя не преминула на нее отреагировать:

– С девочками? Или просто испачкались?

– Это как карта ляжет, – задумчиво протянул Толик, старательно изображая абсолютную незаинтересованность в теме диалога.

– Ну-ну, – хмыкнула Лиза и добавила: – Идите, раскидывайте свои карты, а у нас еще дела сегодня намечены. Спасибо за компанию. Или это был намек? Про баню.

Она просверлила Толика испытующим взглядом, от которого он съежился, как помидор на шампуре, и убежденно сказала: – Шутка. Так плохо я про тебя не думаю.

Анатолий торопливо закивал, подтверждая, что все правильно и он в самом деле не так уж банален.

– Разве таких девушек водят в баню? – затрепыхался он в попытках реабилитации, льстиво согнувшись в полупоклоне.

– Да? – Кротова приподняла брови. – А куда водят таких девушек? За баню?

Похоже, назревал конфликт. Катя, слишком хорошо знавшая свою подругу и больше всего боявшаяся, что из-за ее строптивого характера не удастся продолжить знакомство, решила повернуть беседу в другое русло:

– А у нас тоже хобби. Мы по магазинам ходим.

На слово «магазин» мужчины среагировали тут же и весьма нервно. Обычно сильная половина человечества упорно не слышит намеков дамы и не понимает подтекста, зато иногда, в самый неподходящий момент, при полном отсутствии попытки на что-либо намекнуть, ее

слова трактуются совершенно превратно. Хотя, если верить статистике, женщины редко говорят просто так, ничего не имея в виду. Это был как раз тот редкий случай.

Видя замешательство кавалеров, Кротова тут же утешила их:

– Мужчины в таком деликатном деле обычно только мешают. Как девочки в бане. С ними ж не помоешься толком.

А Катя, как всегда, все испортила, поторопившись с разъяснениями:

– Я за продуктами.

О том, что она сморозила что-то не то, Катя догадалась по выразительно закаченным глазам Елизаветы.

– Я помогу, – вызвался Саша, обрадованный отсутствием перспективы тратиться на шопинг. Если мужчина по всем законам жанра еще должен спонсировать для приглянувшейся девушки приобретение всяких безделушек, то уж картошку, мясо и прочие неромантические аксессуары она обычно оплачивает сама. – Толик, я за тобой вечером заеду.

Таким образом мучившая Катю проблема, возьмут ли у нее телефон перед расставанием, а если возьмут, то как, решила сама собой. Вряд ли Саша просто поносит по рынку сумки, скорее всего, он проводит ее до дома.

– Катька, ну кто так начинает сближение?! – возмущенно прошипела Елизавета. – Он должен видеть в тебе утонченное создание, а не бабу с авоськами.

– Сейчас мужики практичные пошли – им нужна не утонченная, а хозяйственная, – прояснила свою позицию Катя.

– Девушки, о чем шепчемся? – Толик, видимо, что-то решил, и ему не терпелось обрывать Кротову.

– О вечном, – нехотя обронила Лиза. Судя по тону, она как раз еще ничего не решила.

– Сань, как думаешь, о вечном – это о чем? – закокетничал Толик.

– Это, скорее всего, о нас, – попробовал пошутить Саша. – Типа того: вечно эти мужики все делают не так.

Катя деликатно хихикнула, а Кротова нагло ухмыльнулась.

– Елизавета, – Толик приосанился и выпалил: – А хотите в театр?

– Хочу. А в какой? – взяла быка за рога Лиза, не давая кавалеру времени на размышления. Судя по выражению лица Анатолия, он был уверен, что театр в городе один.

– В любой, какой захотите, – вывернулся он.

– Тогда в Мариинку.

Но подвох в ехидном предложении Кротовой замечен не был. Наивный Толик прикинул, что на такси до любого театра час максимум, плюс пара часов на спектакль, так что в баню он успевал в любом случае. О том, что театр – не карусели и спектакли идут строго по расписанию, он не подумал.

– А баня? – Саша многозначительно пошевелил красивыми бровями и выразительно уставился на приятеля. То ли Катя не произвела на кавалера достаточно сильного впечатления, то ли он просто не любил менять планы, но ясно было одно: поход в баню Александр отменять не желал.

– Сань, мы по-быстрому, – виновато промямлил Толик, для которого ценность банно-прачечных процедур, похоже, приравнивалась к ценности общения с новой подругой.

– Значит, так, милый, – Елизавета ласково, но твердо цапнула Толика за плечо. – Я не люблю по-быстрому. Ни театр, ни что-то другое. Имей это в виду на будущее.

– Имею! – радостно закивал мужик, ошарашенный уже самим фактом того, что некоторый отрезок совместного будущего фигуристая барышня все же планирует. – Буду работать над ошибками, учту и исправлюсь.

При этом он так проникновенно вздохнул, как может вздыхать только голодный Барбос при виде сахарной косточки, торчащей из щей.

Вечером Катя в эйфории металась по квартире, пугая родителей безумным блеском в глазах и невнятным бормотанием, сдабриваемым странными и многозначительными улыбками.

– Катюша, – не выдержала мама, – может быть, не стоит так уж на него рассчитывать?

Катя резко затормозила на очередном витке вокруг стола в гостиной:

– Он вам не понравился?

Вера Яковлевна испуганно покосилась на мужа, но тот быстро спрятался за развернутой простыней бесплатной рекламной газеты.

– Не понравился, – сама себе ответила Катерина.

Собственно, тот факт, что Саша не приглянулся родителям, еще ничего не значил, и она все поняла еще тогда, в дверях, по их скучным лицам. Катя была уверена: это обычный родительский инстинкт подсознательно отторгать любого, кто пытается прибрать к рукам единственное и горячо любимое чадо.

– Ну что ты. Очень приятный... мужчина! – У Веры Яковлевны язык не повернулся назвать пришедшего юношей. Быстро поставивший в коридоре сумки Саша показался ей слишком худым, слишком пижонистым и совершенно ненадежным. Тем более что он довольно быстро распрощался, не пожелав остаться на «чаепитие с пристрастием».

– Черноватый он какой-то, – неопределенно буркнул папа, чтобы хоть как-то отметить в диалоге. – Местный?

– Да местный! – запальчиво крикнула Катя, понятия не имевшая, местный ее новый знакомый или приезжий. – А что? С каких пор ты стал делить людей по национальному признаку?!

– Не ори на отца! – Егор Константинович отложил газету. – Я его национальные признаки впопыхах не разглядел. Не всякий признак разглядишь, у некоторых он вообще в штанах базируется. Меня больше волнует его прописка и планы! На тебя.

– Я свободная женщина, – взвизгнула Катя. – И имею право встречаться, с кем захочу и когда захочу! Мне скоро тридцатник, а вы меня все опекаете, как будто я дебильная и сама не разберусь!

– Надеюсь, что понятие «свободная женщина» мы трактуем одинаково, – хмыкнул отец. – В противном случае ты рискуешь нарваться на конфликт с представительницами древнейшей профессии: у них нынче все места уже распределены.

– Егор, что ты несешь! – охнула Вера Яковлевна. – Он еще ничего плохого не сделал.

– Лучше предупредить проблему, чем потом ее решать! – отрезал супруг.

– Вы спятили. Оба, – обреченно констатировала Катя. – Вместо того чтобы радоваться шансу устроить мою жизнь, вы обсуждаете, как меня, дуру набитую, могут кинуть. А что, по-вашему, мужчины могут мной интересоваться только из корыстных соображений?

– Дело не в тебе, – вспыхнула мама. – Да о такой, как ты, многие мечтают. Дело в мужчинах. Они же все повыводились.

– Ну да, ну да. Вот и бродят вокруг меня сплошные выродки, а прекрасные принцы либо в дальних странах, либо уже прибраны к рукам. Пап, хоть бы ты продемонстрировал мужскую солидарность и за сильный пол заступился.

– Ладно, не все выродки. Но этот мне не понравился. И все. Дело твоё, выбор тоже твой, но мы свое мнение высказали. – Окончив речь, папа задернул занавес в виде газеты, демонстрируя свой выход из диалога.

– Мы же не против, пусть в гости приходит, поговорим, – решила смягчить резюме беседы мама.

– Понятно. В гости – на допрос. Не дожидетесь. Все и так понятно.

– Да, нам нравится Борис, – снова подал голос Егор Константинович. – И что в этом такого? Мы его знаем уже много лет, знаем его семью. И знаем, чего от него ожидать.

– Ясно, чьи интересы вы лоббируете. Кто бы сомневался! Конечно, только кривоногий плюгавый хоббит с двухкомнатной квартирой и еврейской мамой может составить счастье вашей дочери!

– Эмма Львовна – интеллигентнейшая женщина, – взвился папа. – И дело не в квадратных метрах, а в личности человека!

Когда позвонила Кротова, скандал был уже в разгаре.

– Чего за вопли на заднем плане? – поинтересовалась она таким тоном, что сразу было ясно: ей больше хочется рассказать о своих приключениях, чем получить исчерпывающий ответ на свой вопрос.

– Им не понравился Саша, – дрожащим голосом сообщила Катя.

– Уже! – изумилась Лизавета и уточнила: – Напился?

– Можно подумать, самое страшное, что может сделать мужик, – это напиться! Ты заик-лилась на этом.

– Просто у тебя еще не было опыта совместного проживания с алкашом, – пояснила Лиза снисходительно, словно утка, обучающая утенка плаванию.

– Да я вообще не понимаю, где ты таких берешь?!

– Каких – таких? Их всего-то было два. А твой единственный опыт, Боря, не пил только потому, что у него язва. Непьющих нет, есть пьющие умеренно и терпимо, а есть нажирающиеся. Хотя твой Шурик мог напиться от волнения.

– Да в том-то и дело, что он только поставил сумки и сразу ушел. Не пил он!

– А попрощаться-поздороваться с потенциальными родственниками?

– Все было. Предельно вежливо. Он сказал, что у него вечером дела и, к сожалению, остаться не сможет.

– Да знаем мы их дела. Баня, водка, бабы.

– Лиза, хоть ты-то не начинай!

– А я не в духе. Мой до мамы даже не дошел. Расстались на подходах.

– Насовсем? – ахнула Катя с сочувствием.

– Не знаю. Но я его немного стукнула, – призналась Кротова, виновато засопев.

– Кошмар. Ушел-то на своих двоих или увезли? – осторожно пошутила Катерина, представив себе Елизаветино «немного».

– Обижаешь. Я ж рукой, а не ногами. Да ну, вообще. Где на мне написано: «Лапайте на здоровье»? Почему все меня считают легкодоступной?

– Может, он просто проверял почву?

– Тогда пусть считает, что почва оказалась неплодородная.

– Болото, что ли?

– Сама ты болото, – надулась Кротова. – Он меня прямо в маршрутке тискать начал. Гадость такая. Меня, взрослую женщину, с высшим образованием, педагога, как какую-нибудь дешевую соплюшку! Он, видишь ли, думал, что женщинам нравятся смелые и решительные. Идиот.

– То есть вы больше не будете встречаться? – уточнила Катерина.

– Ну почему сразу «не будете». Любишь ты крайние меры. У него еще есть шанс. Меня еще можно завоевать.

– Интересно, а он об этом догадывается? – оторопело пробормотала Катя, представившая загипсованного Толика, быстро, по-тараканьи отползающего в окоп, и Кротову, несущуюся на него с флагом.

– Я уже битая жизнью и на мужскую догадливость не рассчитываю. Этому примитиву все разложено по полочкам. Он готов исправиться.

– Лиз, а зачем он тебе, раз идиот, примитив, и вообще... Если бы меня лапали при людях, я бы, наверное...

– Ты бы тогда в девках так и сидела. Ибо твой Борюсик не в счет. Небось, как барсук, поспит в темноте пару минут, и все? А мне таки нравятся смелые. Пусть дерзает. Боксеры тоже на шишках учатся.

– Фу, Лизка. Где твое воспитание? – засмеялась Катя. – Найди себе приличного.

– А то они стадами по улицам бегают. Идеальных нет. Я для себя решила: лучше, чтобы мужик с руками, чем сморчок с воспитанием.

– А я влюбилась, – очень непоследовательно сообщила Катерина, обнаружив, что родители ушли обсуждать ее личную жизнь в кухню.

– Быстро это ты. Хотя я бы в такого тоже влюбилась. Красивый мужик. И достойно себя ведет. Чего было?

– Ты что?! Ничего не было! Мы продукты купили и домой принесли. Больше ничего такого!

– Надо же, какая ты испорченная. Я ничего особенного и не имела в виду. Что он про себя рассказывал, как себя вел, как ухаживал?

– Как-как? Сумки нес. Молча.

Катя вспомнила, как Саша покорно таскался за ней по рынку с сумарями, даже пытался торговаться. Еще он давал достаточно дельные советы в части качества приобретаемых продуктов. В этом было что-то надежное, такое пронзительно семейное, будничное и одновременно перспективное, что ей захотелось почувствовать себя хозяйкой, суевающейся у плиты, чтобы накормить этого обстоятельного и симпатичного мужчину.

– Вообще молча? – потрясенно переспросила Кротова.

– Нет. Говорил, как картошку выбирать, откуда мясо брать и как смотреть, чтобы не обвешивали.

– Я фигею, дорогие товарищи, – простонала Лиза. – Какая прелесть, какая идиллия. Натуральная пастораль. Знаешь, Катюха, это тебя так от отсутствия других кандидатур заносит. Было б из чего выбирать, ты бы сейчас такую чушь не болтала. Но я тебя понимаю: мужик фактурный. Надо его довести до ума, а то на следующем этапе, минуя романтику, сумки будешь таскать уже ты. И я вообще удивлюсь, если он после такого умопомрачительного вояжа по рынку тебе позвонит. Мужикам тоже, как и нам, хочется сказки. Поэтому все мы, независимо от пола, замахиваемся на великое, а довольствуемся тем, что обломится. Я имею в виду умных. Дураки, они так всю жизнь ластами и машут в ожидании достойной пары. Сначала надо брать, а потом уже отделять зерна от плевел...

Он позвонил. Через два дня, вечером, когда усталая Катя вернулась с работы и уже ничего хорошего от жизни не ждала. Все воскресенье она провела у телефона, периодически хватая трубку и выслушивая в очередной раз кротовские размышления на тему взаимоотношения полов. К вечеру воскресенья Лиза тоже приуныла, так как ее Толик тоже не отзвонился.

Понедельник – гнусный день. И не только для похмельных субъектов, мучимых коктейлем из жажды, головной боли и суровой необходимости нести трудовую вахту. Для одиноких девушек, в очередной раз не получивших за истекшие выходные ожидаемых от жизни подарков, этот день тоже похож на горькую пилюлю. Особенно когда понимаешь, что выбрала не ту работу: не в том месте, не с теми людьми и не по призванию. Прошли те времена, когда должность библиотекаря была не таким уж плохим вариантом для молодой девушки. Хотя Катерина была уверена, что такие времена и не наступали. Она уже не надеялась, что однажды по дороге в эту избу-читальню ее подвезет прекрасный принц на лакированном авто или что в один прекрасный день она встретится в автобусе взглядом с тем единственным, который составит счастье всей ее жизни. Или хотя бы какой-нибудь моложавый доктор наук или пер-

спективная звезда российской науки забредет в их библиотеку в поисках нужной книги. Эти наивные мечты испортили ей несколько лет жизни, оставив в душе унижительное ощущение собственной глупости и бездарно потерянного времени.

Весь день она проверяла старенький мобильник в надежде, что Саша все-таки звонил. Аппаратик был настолько древним и ненадежным, что очень часто у него не хватало сил протреть бессмертную мелодию Моцарта. Но бездушный кусок сильно потрепанной пластмассы был глух к Катюшиным мольбам.

– Значит, есть во мне что-то, что отталкивает мужиков, – вынесла она себе суровый вердикт, глядя в заплеванное мокрым снегом стекло автобуса. Кособокие снежинки нехотя съезжали по грязным окнам, превращаясь в мутные слезы. Словно плач бомжа, вместо жалости вызывающий брезгливость. Катя не жалела себя. Ей было противно смотреть на носатое отражение, на собственные грустные глаза, с какой-то коровьей печалью и покорностью плывшие за мутным стеклом, на белокурые лохматые пряди, пристойно выглядевшие только с утра перед зеркалом после ночи, проведенной в бигуди. Все было не так. И сама она была не такая, и все это видели.

Самобичевание продолжалось ровно до того момента, пока трубка вдруг не ожила и завибрировала, наполняя прихожую настырным звоном ключей. Если бы не ключи, случайно брошенные рядом, Катерина вообще не услышала бы его.

– Привет, Катюша. Ты уже дома?

Конечно, она дома. А где еще может быть одинокая, незамужняя, несимпатичная девица с материальными и моральными проблемами?

– Ой, а я уже собиралась уходить! Ты меня в дверях поймал, – беззаботно чирикнула она, строго сведя брови в ответ на мамин изумленный взгляд. Елизаветины уроки не прошли даром. С Борей уловки были не нужны, так как он не собирался воевать с судьбой за свое счастье и на запасной аэродром заглядывал лишь изредка, видимо, чтобы проверить, не разворовано ли имущество. А Саша с самого начала должен воспринимать ситуацию так, что это не он, а ему делают одолжение. Хотя спугнуть случайно забредшую на огонек судьбу тоже было страшно.

– А ты куда собралась? – В его голосе звучало неподдельное удивление. – Я думал, ты по вечерам дома сидишь...

– ...носки вяжешь, – завершила его мысль Катя, снисходительно хихикнув. – Это у меня еще впереди, когда мне дети внуков настрогают.

– У тебя есть дети?

Нет, определено: мужчина с серьезными намерениями все воспринимает буквально, дабы извлечь из каждого слова максимум полезной информации, и любые приступы остроумия следует приберечь на потом.

– Нет, но будут.

– И скоро? – в его тоне стремительно пропадал интерес к общению.

– Года через два-три. Мне так кажется, – очень серьезно и проникновенно сообщила Катя. Конечно, она могла бы сказать, что дети будут, когда она встретит любимого человека, но это прозвучало бы как примитивный намек.

– Тогда, может, сходим куда-нибудь? – Саша был в замешательстве. Он действительно был уверен, что понравился, и рассчитывал на более откровенную радость от своего звонка. Во всяком случае, несмотря на бурно проведенные выходные, про большеглазую пухленькую блондинку он не забывал и не позвонил ей утром только потому, что забыл взять на работу мобильник.

– Ну, не знаю. Я как-то не думала...

Если учесть, что последние пару дней она только об этом и думала и даже набрала несколько вариантов времяпрепровождения на случай, если кавалер впадет в замешательство, то фраза прозвучала совершенно неискренне.

– Может, просто погуляем?

С удивлением посмотрев в темное окно, за которым ветер трепал голые ветви тополя, Катя поежилась: Александр, похоже, пошел на попятную и откровенно нарывался на отказ.

– Давай, – радостно согласилась она.

– Ну, давай, – кавалер ответил неуверенно, словно это не он минуту назад предложил потоптать вместе мартовскую слякоть.

Саша не умел ухаживать. Абсолютно. И от этого все его действия казались трогательными и чистыми. Он гулял с ней по городу, дарил веточки мимозы, рассказывал про достопримечательности, словно Катерина не родилась здесь, а была заезжей туристкой.

Как истинная женщина, Катерина тут же начала строить планы, мешавшие ей спать по ночам и сосредотачиваться на работе. Но в планах зияла существенная брешь: было совершенно неясно, где, как и на какие деньги можно в ближайшем будущем наслаждаться своим счастьем. После прогулок Саша неизменно приводил ее к подъезду, нежно целовал в щечку, смотрел долгим проникновенным взглядом и молчал. Когда молчание затягивалось, Катерина быстро улыбалась и убегала домой, смущенно помахав рукой.

– Ты особо-то пузыри не пускай, – сурово одергивала ее щебет Лиза. – Либо он в постели ноль, поэтому хочет сначала жениться, а потом сделать сюрприз...

– Какая пошлость!

– Не пошлость, а правда жизни! – обрубала попытки мятежа Елизавета. – Но есть еще вариант: он тянет время до мая, чтобы обвесить тебя романтическими соплями и устроить пикник на природе.

– Почему это «соплями»?

– Потому что. Когда нет жилплощади, на которой можно спокойно заниматься любовью, начинают придумывать всякую муть с соловьиным щебетом и плетением венков, вроде как это интереснее, чем банальная ночь в городской квартире. Особенно впечатляет купание в ледяной воде вместо нормального душа.

– Можно подумать, тебя купали, – обидчиво пробормотала озадаченная Катя.

– Пытались. Но не на ту напали.

– Скучно ты живешь, Лизка!

– Главное, чтобы потом не было чересчур весело, – назидательно бубнила Кротова. – Не будь душой, выясни сначала все, убедись, что не врет, а потом уже можно и на природу!

– Да он и не звал меня ни на какую природу! И вообще, у меня есть жилплощадь, меня его прописка не интересует.

– Не у тебя, а у тебя с родителями. Учитывая тот факт, что они спят и видят, как бы сбавить тебя к Борюсику, привод на их территорию не полюбившегося им зятя чреват военными действиями.

– Они примут любой мой выбор!

– Угу. Вопрос в том, как они его примут.

Такие беседы очень портили настроение, поскольку Катя допускала, что в чем-то Елизавета может оказаться права. Отстаивать добрые намерения Александра, имея в активе только ворох эмоций и никакой фактической информации, было довольно сложно.

Единственное, что было ясно: Саша был весьма и весьма небогат. После памятного похода в кафе он угощал ее только мороженым и делал подарки дорогие в моральном плане, но никак не в материальном.

– Тоже не факт, – отвергла ее сомнения Кротова. – Может, он жмот. И с самого начала хочет держать тебя в черном теле, чтобы потом не тратиться.

– Ты думаешь, что он все-таки планирует со мной что-то серьезное? – восторженно охнула Катерина.

– Слушай, ты не о том думаешь! Ты лучше прикидывай, как его правильно подвести к тому, что надо тебе. Не всякий результат – результат. Ясно?

– Нет. Я его люблю и хочу замуж. Поэтому замужество или хотя бы гражданский брак для меня результат.

– Нет. Результат – это то, как вы будете жить, а не сам факт совместного проживания. Вот слышишь вопли?

Тихие, едва различимые крики действительно долетали вместе с громким голосом Елизаветы.

– Вот. Это Василий Михалыч опять приперся на рогах. А маман учит его жизни. Это не есть результат. Это облом.

Василий Михайлович был гражданским мужем Елизаветиной матери. Дядька он был добродушный, но трезвым Катя его ни разу не видела.

– Саша не такой, – она даже задохнулась от возмущения. – Нашла с чем сравнивать!

– Ты сначала выясни, какой он, а потом обсудим. Хватит делать вид, что тебя не интересует его зарплата и прописка. Не такая же ты дура в самом-то деле.

Если смотреть правде в глаза, то Катю, конечно, слегка интересовала материальная сторона вопроса. Но как начать столь щепетильный разговор, она не представляла. Ведь Саша-то не спрашивал, где она работает и сколько получает. С другой стороны, он хотя бы видел, где и как она живет.

Собравшись с силами, Катя пошла от обратного и в один далеко не прекрасный вечер, когда они, основательно продрогнув в парке, ехали в полупустом автобусе домой, она вдруг торопливо и с жаром начала вываливать на любимого человека все те подробности, которые хотела бы услышать от него. Вообще-то речь, подготовленная дома, должна была звучать несколько иначе: более непринужденно и менее насыщено. Но ее рассуждения на тему слишком низкой оплаты труда современного библиотекаря вызвали совсем не ту реакцию, на которую Катерина рассчитывала.

– Конечно, мало, – с печальной задумчивостью констатировал Саша. – А чего ж ты там сидишь? Надо искать другую работу, с нормальной зарплатой.

– Ты думаешь? – только и сумела прошептать Катюша, затравленно глядя себе под ноги. Поднять глаза на Сашу она не решилась.

– Разумеется. По-моему, это яснее ясного. Сама подумай: женщина, которая приносит в семью такие крохи, обрекает своих детей на полуничтоженское существование. У них же сейчас такой период, когда зависть к более состоятельному однокласснику может нанести ребенку тяжелейшую психическую травму. А модная одежда? Я уже не говорю для тебя, а для ребенка! Мне приятель рассказывал, ботинки для сына стоят дороже, чем для него. Если с нищетой не бороться собственными силами, то так и будешь прозябать в социальных низах.

Момент был очень удачным, чтобы выяснить его методы борьбы и стратегию, а заодно и материальный уровень на сегодняшний день. Но позиция Александра была настолько неожиданной, а мысль сменить работу настолько логичной, что Катя сбилась с верного курса и, обалдело выкатив глаза, весь остаток пути рассматривала свои старые сапожки, соображая, почему ей самой не пришло это в голову.

Как-то так сложилось, что изначально ни в какую библиотеку она не собиралась. Параллельно с обучением в институте культуры она окончила языковые курсы и даже получила диплом гида-переводчика. Но к моменту, когда Катерина уже вознамерилась начать водить группы по городу и получать нормальные деньги, как и было обещано на курсе, вдруг выяснилось, что трудоустроиться без связей нет никакой возможности. Пару лет она методично искала работу, пока родителям не перестали платить зарплату, выдавая лишь какие-то крохи и грозя

сокращением. Потом маму все-таки сократили, и искать хорошее место стало некогда. Да и опыт уже подсказывал, что шансов нет. В школу, где в качестве учителя начальных классов трудилась Кротова, ее не взяли, так как диплома курсов оказалось все-таки недостаточно. Поэтому из возможных вариантов остались только места продавцов на рынке, нянечки в яслях и библиотекаря. Катя выбрала последнее и сложила лапки. Живя с родителями весьма скромно, она привыкла довольствоваться малым и ждала своего простенького счастья, не рассчитывая на что-то роскошное. Мама всегда ориентировала ее на то, что основным добытчиком в семье является муж, поэтому Катерина покладисто опустила руки и поплыла по течению. Лиза тоже считала, что удел женщины – очаг, а дрова для очага обязан добывать супруг. Мнение потенциального супруга кардинально разошлось с мнением близких ей женщин. Упрекнуть его было не в чем, поскольку его собственные планы так и остались за кадром, зато нахально выпятился Катин инфантилизм во всей своей красе.

– Николаева, ты меня утомляешь, – выдохнула Лиза. – Да я бы его живо к стенке приперла. Тоже мне! Больно много он про детей знает, кстати.

Катю тоже волновал этот момент.

– Во-первых, у его друга сын, поэтому Саша в курсе. А во-вторых, я готова любить его детей!

– А его бывшую жену? И хорошо, если бывшую. Ты вообще уверена, что он не женат?

Катя едва удержалась, чтобы не сказать слишком умной Кротовой, что тогда Саша сидел бы дома, а не ухаживал за ней. Конечно, для Лизы это не объяснение, она только посмеется, поскольку совершенно не знает Александра. По мнению Елизаветы, все мужчины в первую очередь подлецы, а если и нет, то уж не без дефектов – точно! К дефектам относились дети от предыдущих браков, склонность к спиртному, слишком авторитарные мамы, маленькие зарплаты и много других ключевых моментов. Мириться Лиза могла только с курением.

– Лизка, ты лучше скажи, что ты думаешь про работу? Он ведь прав абсолютно. Вот что значит настоящий мужик: сразу в точку.

Кротова считала, что настоящий мужик зарабатывает сам, а не дает любимой женщине советы, как и куда ей устроиться, чтобы получать побольше.

Науськанная Елизаветой, Катя не стала искать работу по дешевым объявлениям, а сразу пошла в солидную фирму по трудоустройству. Внесение ее кандидатуры в банк данных привело ее к комплексу.

Румяная барышня с гладко зализанными волосами и темно-коричневыми губами пояснила Катерине ее ценность, вернее, дешевизну на рынке рабочей силы. Оказалось, что достоинств у соискательницы с гулькиным носом, зато дефектов – как головастиков в деревенском пруду. У работодателей не котировались незамужние и бездетные, у которых в любой момент семейные обстоятельства могут измениться к лучшему, от чего у сотрудниц напрочь сносит крышу, и они резко выныривают из трудовых будней, с головой окунаясь в личную жизнь. Институт культуры тоже был не особо престижным вузом. Что касалось опыта работы, то тут сотрудница бюро весьма не деликатно фыркнула и уточнила, действительно ли Екатерина Егоровна имела в активе только должность библиотекаря в районном очаге культуры. В результате ей посоветовали претендовать не на тысячу долларов, как велела Кротова, а долларов на двести-триста в лучшем случае. Торговаться не получилось, так как ей ясно дали понять, что просить-то можно сколько угодно, а вот дадут ли, это большой вопрос. Причем вопрос риторический, так как все ясно уже с первых строк анкеты.

Толик объявлялся у Елизаветы по какому-то замысловатому графику, вызывая смутные подозрения и чувство неудовлетворенности. После первой же совместной ночи, которая слу-

чилась непосредственно при втором свидании, Анатолий печально, но твердо сообщил, что работа превыше всего, а посему придется считаться с наличием частых командировок.

Он еще плохо знал Лизу, иначе не предложил бы ей считаться с чем-либо и не рискнул бы урезать ее свободу в части выбора времени встреч.

Кротова с ее опытом и интуицией вполне могла бы служить в разведке. Она обнюхивала, обыскивала, проверяла телефон и задавала провокационные вопросы. Но Толик либо был чист, как слеза младенца, либо являлся виртуозом своего дела. Улик не было.

– Лиза, хватит искать ловушки на ровном месте, – смеялась Катерина. – Ты себе этим вынюхиванием всю жизнь испортишь. Кто ищет, то всегда найдет.

– Не каркай. А жизнь скорее испортит отсутствие нужной информации, нежели ее избыток. Лучше свои новости вываливай. Я тебе сейчас тоже советы буду давать. Это самый незатейливый вариант помощи: и тебе польза, и мне приятно.

Наверное, впервые в жизни Кате было чем гордиться. Судьба словно компенсировала ей все разочарования последних десяти лет.

Разговор о зарплате, оставивший неприятный осадок и пищу для размышлений, так и остался всего лишь разговором. Зато между делом выяснилось, что Саша работает техническим директором в небольшой фирме. Оклад там был маленьким, но, как гордо сказал сам Александр, он работал не за зарплату, а был совладельцем. Это подняло его в глазах Катерины на недостижимую высоту и позволило небрежно бросить родителям за ужином, когда папа ехидно поинтересовался, как развиваются отношения:

– У Саши сейчас проблемы с бизнесом, работы много. Он же не на чужого дядю работает, а на себя.

– Так он бизнесмен? – оживилась мама. Рейтинг Борюсика падал с неумолимой быстротой.

– Да, – равнодушно пожала плечами Катя, словно это был ничего не значащий факт. А в душе бушевало торжество: вот оно! Ей самой было не так уж важно, где и кем он работает, но перед окружающими хотелось гордиться. Катерину просто распирало от самодовольства: в кои-то веки она оказалась права. Наверное, так могли себя чувствовать жены помилованных декабристов. Любовь оказалась сильнее общественного мнения, в данном случае – родительского, и прошла все преграды. Развитие событий смахивало на примитивную мелодраму: Саша сделал ей предложение и предложил жить вместе. Чрезмерную сладость происходящего разбавляли лишь два момента: как именно было сделано предложение и особенности места жительства.

– Да уж, – резюмировала Елизавета, выслушав все подробности. – Не дай нам бог такого счастья!

– Почему это? – запальчиво воскликнула Катя, обиженная тоном и задетая реакцией, поскольку и самой ей нравилось далеко не все. Некоторые моменты просто-таки сводили на нет все радостные эмоции по поводу начала новой жизни.

Предложение руки и сердца прозвучало совсем не так, как представлялось в девичьих снах. Вернее даже сказать, что никто никому ничего не предлагал. Одним весьма непогожим промозглым вечером, когда влюбленные коротали время на автобусной остановке в ожидании пропавшего где-то общественного транспорта, Саша задумчиво пробормотал:

– А что, если нам пожениться?

Фраза прозвучала неуверенно, не торжественно и крайне неразборчиво, побудив целую лавину встречных вопросов, которую Катя с невероятным трудом сдержала, чтобы не демонстрировать слишком явную заинтересованность в теме. Это походило на мысли вслух, а неопределенность интонаций затрудняла понимание. Катерина растерянно замерла, соображая, пора радоваться или погодить. Особенно расстроило отсутствие коленопреклоненной позы, цветов и прочего сопутствующего антуража. Тем более что совершенно некстати подошел автобус. Когда они уместились на продранных сиденьях, продолжить животрепещущую

беседу не представлялось возможным, так как в самом начале салона пьяный, вполне прилично одетый мужик исполнял нечто оперное, параллельно выделявая па из «Яблочка». Саша начал хихикать вместе со всеми и даже дирижировать. Больше всего на свете Кате хотелось, чтобы этот Карузо из районной самодеятельности немедленно вышел и дал договорить спокойно.

До дома они шли молча, а у самого подъезда Саша вдруг спросил:

– Ну так как?

Катя даже не стала делать вид, что не понимает, о чем речь, боясь, что вредная фортуна обязательно помешает довести диалог до конца. Так общаются люди, у которых садится батарея на мобильном: в телеграфном стиле.

– Мне надо подумать. Но я, наверное, согласна.

Вторым разочарованием было гнездышко, в котором им предстояло строить свое счастье. Жить с Катиными родителями Александр не собирался.

– Милая, я уже вышел из того возраста, когда живут с родственниками, особенно пожилыми, – объявил он невесте и повез ее к себе.

Она тоже хотела жить только вдвоем. Елизавета всегда говорила, что первейшая угроза личному счастью – чужое мнение. А жить с родителями и не быть в курсе их мнения не получилось бы ни при каких обстоятельствах.

– У меня, конечно, не хоромы, но разве это главное? – подбодрил ее Саша, ковыряясь ключом в огромной деревянной двери. Цвет у нее был довольно несимпатичный, больше всего этому безрадостному колеру подходил эпитет «неожиданный».

К огромному изумлению Катерины, квартира оказалась коммунальной, и не просто коммунальной, а каким-то реликтовым монстром эпохи ударного построения социализма. Длинный облезлый коридор с мутной лампочкой, висевшей на обмотанном изоляцией шнуре, напоминал часть некоего муниципального учреждения типа заштатной больницы или общественной бани, где снует туда-сюда масса полуодетого народа из социальных низов.

Первым навстречу выплыл дядька в широченных семейных трусах. Другой одежды на его тщедушном теле не имелось, зато физиономию жилища украшали два желто-фиолетовых фингала, делавших его похожим на лемура. Он степенно поклонился, сделав пару вихляющихся движений корпусом, видимо, ловил равновесие, и, не имея сил на произнесение торжественной речи, изобразил гостеприимный жест, приглашая проходить в глубь квартиры.

– Я тебя потом со всеми познакомлю, – Саша ловко обошел аборигена и дернул Катерину за собой.

– А обувь снимать? – прошептала Катя.

– В комнате, а то сопрут, – пояснил кавалер и толкнул ближайшую к выходу дверь.

Узкая, похожая на часть коридора комната потрясала воображение. Из мебели там имелась лишь раскладушка и глянцевая обложка журнала, прищипленная к стене. С обложки улыбалась молоденькая поп-звезда.

– А вот и я! – пробасил кто-то за спиной и пихнул парочку в помещение.

– Шнырь, – обрадовался Саша и троекратно расцеловался с мужиком, похожим на давно не бритого колобка.

«Сейчас я проснусь, и ничего этого не будет!» – закрыла глаза Катя, ощущая дурноту и жгучие слезы.

Все оказалось не так плохо, как могло бы быть. Хорошее познается в сравнении. Не начнись переселение со столь сильного потрясения, дальнейшее не вызвало бы столь бурной радости.

В «куске коридора» жил Шнырь. Он был лучшим другом, бывшим одноклассником и почти родным человеком для Саши. Величали Шныря тоже Александром, но население ком-

муналки, дабы не путать фигурантов, с давних пор именovalo одного Шнырем, а другого Ползуном.

– А почему Ползун? – расстроилась Катя. Слово ей не понравилось категорически.

– Ползал тут... когда маленький был, – туманно пояснил Саша. – Не помню, если честно.

Прицепилось как-то, все и называют.

Скудость обстановки в комнате Шныря объяснялась просто: от него недавно ушла жена, прихватив все имущество. А соседи, утром с интересом наблюдавшие за выносом мебели, вечером дружно сочувствовали вернувшемуся со смены супругу.

У Саши комната была большой, светлой, но выглядела как-то бедно и по-деревенски. Возможно, это ощущение поддерживал огромный обшарпанный холодильник, урчавший у дверей, или больнично-белые занавесочки, висевшие на веревке поперек двух покрашенных голубой краской окон. При этом сверху свисали тяжелые шторы, обильно украшенные блестящими полосками цвета рыбьей чешуи. Единственное, что радовало, – здесь не чувствовалось женской руки.

Оглядев помещение, Катерина поняла: в ближайшее время она медленно, но верно будет формировать в Сашином сознании мысль о том, что надо переехать к родителям.

После первого же утра в новом жилище Катя еще больше укрепилась в своем мнении: надо съезжать, причем срочно. И если Сашин потрясающий темперамент, не шедший ни в какое сравнение с сонным Борюсиком, позволял закрывать глаза на пожелтевшие обои, потрескавшуюся штукатурку и искусственные цветы, щедро развешанные по всему периметру комнаты, то первая же кухонная стычка показала, что Катя – чужая на этом празднике жизни и своей здесь никогда не станет.

Вечером Саша устроил ей ужин при свечах. Все было вполне романтично, и даже Шнырь, периодически вламывавшийся в комнату со всякими второстепенными вопросами, не испортил общего настроения. А утром Катя, начитавшаяся в своей библиотеке разных умных и не очень книг, решила сделать ответный шаг и приготовить любимому завтрак. Ей не хотелось напрягать любимого человека с самого начала, хотя Кротова и доказывала всегда с пеной у рта, что «строить» мужиков надо с первого мгновения, и если просить по максимуму, то есть шанс получить с них хоть что-нибудь, иначе самым щедрым подарком в семье будет считаться вынос мусора Восьмого марта. Катя хотела понравиться, показать свою неизбалованность и приспособленность к нормальным человеческим условиям. Тем более что накануне в Сашиной речи проскользнула пара слов о том, что она-де выросла под крылышком у родителей и хозяйским премудростям ей еще учиться и учиться.

Выйти в люди было не в чем, поэтому пришлось надеть свою повседневную одежду и Сашины огромные тапки, похожие на лыжи.

«Какой у него размер большой», – с гордостью и уважением подумала Катерина, потоптавшись внутри обуви и с нежностью посмотрев на сладко спящего жениха.

Из коридора доносилась ругань, стук и бормотание телевизора. Обитатели квартиры, несмотря на ранний час и выходной день, уже всю общались.

Посетить удобства оказалось делом весьма затруднительным. Перед туалетом стоял огромный смурной мужик и деловито пинал косяк, оглашая округу нецензурной лексикой, без особого, впрочем, энтузиазма. Он вяло выговаривал все известные слова ровным равнодушным голосом. Так диктор пересказывает программу передач.

В просторной кухне толкалось человек десять. У плиты ругались несколько женщин, в углу лениво чистил картошку полный подросток, за столиком пили двое мужчин, и, судя по невнятности речи, пили они уже давно. У раковины вообще назревала дамская драка. На Катерино вежливое «Доброе утро» все как по команде вскинули головы, осмотрели ее и вернулись к своим делам. До нее донеслись лишь нечленораздельное «и тебе не хворать», «доброе»

и «здрасьте-здрасьте». Голосов в нестройном хоре ответивших было явно меньше, чем людей в кухне.

Совершенно бессмысленные со стороны действия обретают четкий смысл, если начать в них участвовать. Скандал у плиты объяснялся очень просто – конфорок было меньше, чем желающих их занять. Таким образом утренний кофе отпадал, так как электрического чайника у Саши не было: накануне он приносил в комнату воду для чая в алюминиевой кастрюльке. Попытка выяснить, где находится Сашин стол, провалилась. Едва только Катерина открыла рот, намереваясь обратиться к ближайшей женщине, как та выпятила и без того объемный живот, обтянутый блеклым застиранным фартуком, и заорала, обильно перемежая крик непечатными конструкциями. Суть речи сводилась к тому, что тут и своим-то места мало, а если еще и чужие «будут гадить в местах общественного пользования, то эти самые чужие огребут по самое не горюй». Еще больше Катю расстроила реакция остальных. Судя по всему, народ единодушно поддерживал выступавшую. Скандал был прерван круглой бабушкой, которая, пока соседи одобрительно поджимали губы и отвлекались на стыдливо красневшую гостью, быстро убрала с огня чей-то чайник и поставила свой. Бдительные дамы тут же переключились на пенсионерку, а Катя трусливо бежала, по пути получив увесистый шлепок от сидевшего у дверей мужика.

– Годится, – одобрительно промычал он ей вслед.

Жаловаться Саше она не рискнула, решив пересидеть утро в комнате, а удобства посетить, когда рассосется толпа в коридоре. Но даже при всей своей сильной любви и желании стать наконец женой и матерью Катя не могла не понимать, что долго она так не выдержит. На предложение Саши заняться переездом немедленно и за выходной перевезти все необходимые вещи к нему она уже более уверенно ответила, что это слишком ответственный шаг и ей надо подумать. Получив неделю отсрочки, Катя стала суммировать плюсы и минусы грядущих перемен. Как ни странно, плюсов оказалось много, а минусы были больше похожи на капризы избалованной фифы, чем на обоснованные доводы. Ведь жили же как-то в этой квартире остальные, так почему она не сможет?

Но чем ближе была суббота, тем беспокойнее становилось у Катерины на душе. С таким настроением идут к зубному, а никак не начинают новую жизнь.

В четверг она не выдержала и решила сдаваться Лизе в надежде, что умная Кротова придумает какой-нибудь выход.

– А, без пяти минут жена! – обрадовалась Елизавета и язвительно поинтересовалась: – Как счастливая жизнь на новом месте? Что-то, я смотрю, ты мне с домашнего звонишь.

– Как догадалась? – вяло спросила Катя. Ей очень не хотелось признаваться в своей слабости, но обсуждать проблему с мамой после того, как уже гордо сообщила, что выходит замуж и переезжает жить к жениху, не было моральных сил.

– Шерлока Холмса смотрела? Так вот, у меня на кончиках ушей есть такие чувствительные точки... – заржала Кротова и добавила: – У тебя на почве сильных чувств всю память отшибло. А ОН у меня стоит, Джульетта!

– А, ясно.

Но Лиза не дала ей собраться с мыслями, не заметив и не прочувствовав трагической паузы, предшествовавшей монологу.

– Я-то своего как проверила! – горделиво начала Кротова и примолкла, ожидая нетерпеливых вопросов.

– Как? – покорно выдавила из себя Катя.

– Предложила в июне съездить на курорт!

– Ну и?

– Он согласился. Сразу!

– Знаешь, если бы это сказала я, – рассудительно заметила Катя, – то ты бы сразу начала веселиться и учить меня, что пообещать и сделать – разные вещи. То, что он сразу согласился, еще ни о чем не говорит. Может, твой Толик такое трепло, что даже не утруждает себя размышлениями.

– Умнеешь на глазах, – одобрила Кротова. – Только тут один момент – мы уже съездили и купили билеты, потом-то не купить будет. Вот так вот.

– Тогда здорово. А что, его с работы отпускают?

– Так он начальник, сам себя отпускает. Выпишет командировку – и вперед.

– Поздравляю.

– Судя по тону, тебя поздравить не с чем, – констатировала наконец Елизавета.

– Да не то чтобы не с чем, но как-то все не совсем так, – печально забормотала Катя.

Выслушав ее сбивчивый рассказ, обильно одобренный воспеванием Сашиных неоспоримых достоинств, изумительных перспектив и собственной дефективности, Лиза вздохнула:

– И как он видит вашу совместную жизнь в этом муравейнике? Его что, твое отношение к этому всему не интересует? Или с самого начала вы собираетесь жить по принципу «молчи, женщина»?

– Нет, – призналась Катя. – Я ему не сказала.

– Дело не в том, что ты не сказала, а в том, что он не спросил. Как, мол, тебе, любимая, наше гнездышко? Хороши ли прутья, не воняет ли пух?

– Лизка, он спросил! В том-то и дело!

– Ну?

– А я наврала. Сказала, что все замечательно и просто лучше быть не может.

– Тогда ты дура. Клиническая. И тебя надо лечить. Это если родная бабушка спрашивает, хорошо ли она еще выглядит, можно разводить сантименты и так глупо врать! А мужику надо говорить все и сразу, не ожидая, что он своей тонкой душевной конструкцией ощутит твои вибрации. Даже если тебя будет колбасить, как отбойный молоток, он и то вряд ли заметит. Если только борщ расплещешь.

– Так я же и говорю – ситуация тупиковая!

– Тупиковых ситуаций не бывает. Бывают тупые люди, не умеющие искать выход!

– Ладно. Я тупая, а ты умная, – покладисто кивнула Катя. – Научи, что сделать.

– Научи, – проворчала польщенная комплиментом Кротова. – Если бы все было так просто. То есть я-то помидориться не стала бы, а взяла и сказала мужику, что его модель совместного существования для меня неприемлема. Проще говоря, пусть решает жилищный вопрос. Но ты же у нас особа рафинированная, тонкая и лепить правду в глаза не способна. Что он вообще говорит? Из конкретики, а не банальных мужских обещаний, что у тебя будет все: и вилла на Канарах, и луна с неба. Только надо подождать. Как правило, ожидание затягивается, и выясняется, что все будет, но в следующей жизни.

– Саша не такой.

– Какой «не такой»? – захохотала Лиза. – Не мужик, в смысле?

– Перестань, он ничего нереального не обещает. Мы купим квартиру, как только у него наладится бизнес.

– Ага. То есть это, по-твоему, нечто реальное. Прямо вот так вот возьмете и купите квартиру. В другой жизни, – разозлилась Кротова. – А он хоть копить на нее начал?

– И что, по-твоему? Я должна вот так прямо у него спросить, сколько он накопил и где прячет?

– Не вижу в этом ничего зазорного. Я бы спросила. Все лучше, чем гадать и портить себе нервы.

– Лиза, мне такой выход не подходит.

– Да кто бы сомневался!

– Придумай что-нибудь менее радикальное!

– А что такого радикального в вопросе про деньги? Что за дикая щепетильность? Вы же собираетесь жить вместе! Интересно, а когда вы поженитесь, если это все-таки случится, ты до самой старости будешь стесняться спрашивать его про зарплату? И вообще, если он сделал предложение, то на какие шиши вы будете свадьбу отмечать?

– Да кому нужна эта пьянка?! Мы любим друг друга, а толпа пьяных гостей, которые и помнить не будут, зачем пришли, нам не нужна!

– Это ваше общее мнение? – осторожно поинтересовалась Лиза. – Или ты работаешь эхом? Не забывай, что в этой толпе пьяных буду и я! Или ты меня приглашать не планировала? Тогда прошу прощения за самонадеянность!

– Мы вообще просто распишемся. А ты – моя свидетельница, так что не волнуйся – без тебя событие не состоится.

– Спасибо, утешила. А что, праздника действительно не будет?

– У Саши сейчас проблемы с бизнесом...

– Это я уже слышала. Прониклась сочувствием и даже готова пустить слезу, – оборвала ее Елизавета. – А не правильнее ли будет жениться, когда проблемы будут решены? По крайней мере, мне кажется, что это было бы честнее по отношению к тебе. Или ты ему нужна в роли костыля, чтобы было на кого опереться в тяжелые дни?

– Любовь не имеет отношения к деньгам. А ты говоришь так, как будто это взаимосвязанные понятия. Я его приму любого...

– Ага. Голого, босого... На амбразуру захотелось? А про детей ты подумала?

– Дети, рожденные в любви, будут намного счастливее, чем отпрыски какого-нибудь олигарха, живущие в собственном особняке! – Катя уже почти кричала. Она не ожидала от Лизы такого отношения, и самое обидное было в том, что сама она не чувствовала непоколебимой уверенности в том, что говорила. Отсутствие практики и статистики напрягало и не давало возможности задавить оппонентку аргументами.

– А что мешает отпрыскам олигарха родиться в любви? – резонно возразила Кротова. – Неплохо было бы поинтересоваться у самих отпрысков, где им охота родиться. Может, Саша – не твой принц?

– Мой! И вообще, может, он еще станет олигархом.

– Поздновато для старта, – подумав, изрекла Лиза. – Хотя, может, я еще буду локти кусать, что не отбила его у тебя. Ладно, раз любовь, люби на здоровье. Я же не против. Просто, когда выбираешь в магазине платье, хочется купить не первое попавшееся, а то, которое лучше.

– Он не первый попавшийся, – вспыхнула Катя.

– Ну хорошо, второй, – не уступала Лиза.

– И не второй. Я выбирала!

– Значит, я пропустила кастинг. Что-то не припомню, чтобы было из кого выбирать. Как-то все отсеивались сразу, на подступах. И не особо боролись за право быть избранными.

– Мне попадались не те мужчины. Не надо развивать во мне комплексы.

– А чего их развивать. Они у тебя и так, как чертополох на задворках – выше головы. Ладно, мы отклонились от темы консультации. Я бы, учитывая твои особенности, предложила ему снять квартиру. Пусть самую плохонькую, однушку, на окраине, но отдельную, чтобы для начала посмотреть, как он вообще в быту. Мужик не пылесос, на него гарантии никто не даст, поэтому надо проверять в деле. В его коммуналке ты будешь занята борьбой за выживание и, возможно, даже втянешься, а когда бой на сковородках с соседками станет для тебя будничным мероприятием, то разбираться, кого ты взяла в мужа, будет уже поздно. Только не говори, что денег на аренду квартиры у него тоже нет. Можно вполне найти вариант, который впишется в твою зарплату. На продукты-то он в состоянии заработать? Или планировал пока жировать на

зарплату библиотекарши? Скажи своему Александру, что хочешь счастья вдвоем, а не армейской идиллии, когда все топчутся друг у друга на голове и ждут дембеля. У многих, кстати, дембель так и не наступает. Если спросить твоих будущих соседей, какие планы они строили лет десять-двадцать назад, то не исключено, что услышишь все то, о чем сама сейчас говоришь. Еще можешь наврать, что стесняешься посторонних.

– Почему наврать? Я правда стесняюсь. Представляешь, у них там полквартиры мужиков!

– Ах-ах-ах! – хохотнула Лиза. – Скажите, пожалуйста! Это не мужики, а твои соседи. Тоже будущие, если ты немедленно не возьмешься за ум и не займешься вправлением мозгов своему кавалеру. В общем, наше счастье – в наших руках.

Наверное, если бы на Катином месте была Кротова, разговор с Сашей был бы более плодотворным. Но когда Катерина начала сбивчиво спрашивать будущего мужа, а не снять ли им квартиру, при этом отчаянно краснея, заикаясь и оправдываясь, он очень быстро и аргументированно объяснил, почему на данном этапе это сделать никак нельзя. Во-первых, это нерациональная трата денег, лучше откладывать их на покупку квартиры, во-вторых, в комнате у них полный тет-а-тет, и если замок на дверях кажется ей недостаточной защитой от постороннего вмешательства, то он готов потратиться на другой, более внушительный и надежный, в-третьих, если снять квартиру на окраине, то придется больше тратить на дорогу. Было еще в-четвертых, в-пятых и даже в-десятых, но это уже не имело решающего значения. Поворотной стала фраза Саши о том, что, если бы Катя зарабатывала прилично, то только в этом случае можно было бы думать об аренде какого-нибудь жилья.

– Если бы мне такое сказали, то я бы как дала в лоб! – рявкнула Кротова, когда Катя поделилась с ней новостями. – Чтобы извилины распутались и мозги вправились! А сам-то что? Герой умственного труда! Тоже мне, будущая звезда российского бизнеса!

– Лиза! Ну почему ты видишь только плохое? Из тебя так и лезет махровый феминизм. Как при таком отношении к противоположному полу можно рассчитывать на лояльное отношение к себе?!

– Наверное, жутко тебя удивлю, но лояльного отношения мне от них не нужно. Мне нужна любовь. Но достойная, а не имитация с корыстными целями.

– Лизка, да какая от тебя корысть?

– Обладание моим молодым телом и светлой душой, – мечтательно промышчала Кротова. – И достанется все это богатство лишь достойному. Тому, кто в состоянии оценить сей подарок судьбы.

– У тебя какой-то потребительский взгляд на вещи, – озадаченно констатировала Катерина.

– Золотые слова! На вещи взгляд и должен быть потребительским. А мужик – это вещь, иногда нужная в хозяйстве, а иногда так – для красоты, в сервант поставить. А иногда вообще – китайская подделка безобразного качества. Возьмешь, переплатишь, а потом страдаешь!

– Кротова, почему ты всегда смотришь на ситуацию с изнанки?!

– Потому что я умная. Я смотрю там, где могут быть спрятаны изъяны, а не покупаюсь на яркий фантик! – Елизавета гордо выпятила грудь, проиллюстрировав свой недюжинный ум и проницательность.

– Но он же прав! Я сижу, жду у моря погоды. А если бы я зарабатывала, то и проблем бы не было, я бы вообще могла снять квартиру сама, сделать ему сюрприз!

– А если бы он зарабатывал, то получилось бы еще лучше: это твой Александр должен делать тебе сюрпризы, а не ты ему!

Жизнь – это река, по которой несется лодка фортуны, не имея возможности ни вернуться, чтобы исправить ошибки, ни изменить маршрут. Если вас несет к водопаду, то можно либо смириться со своей участью, либо срочно искать весла. Кротова всю жизнь была занята тем, что искала весла и боролась с течением.

Мужчины относились к ней совсем не так, как Елизавете мечталось. Она ждала трепетного и чистого чувства, а немногочисленные кавалеры настороженно ходили вокруг да около, словно дрессировщики вокруг бегемота, и в результате предпочитали исчезнуть из поля зрения знойной девицы.

Ее первая любовь, Коля Сметанкин, был на голову ниже своей подруги и весил раза в три меньше. То, что ей нравится Сметанкин, Лиза поняла в десятом классе. Но неприятность заключалась в том, что Елизавета не нравилась ни ему, ни кому-то другому. Ухаживать было модно за красивыми и перспективными в плане развития отношений, вплоть до кульминационного момента, который был интересен всем своей таинственностью и являлся предметом гордости. Лиза была девушкой строгих правил и крупных габаритов. Единственным привлекательным моментом в ней для повзрослевших одноклассников был бюст. Но невозможность его практического применения на деле и Лизины консервативные взгляды на взаимоотношения полов быстро погасили этот интерес. Сметанкиным тоже не интересовались девушки. Он был субтильным робким отличником, вечно стоявшим на переменах в обнимку с книгой. Поэтому Елизавета, почувствовав в нем родственную душу, пошла на сближение. Чтобы не испугать его сразу и бесповоротно, она для начала просто молча стояла рядом, а когда Коля привык к ее присутствию, пригласила его в кино. Вообще-то Кротова сначала планировала просто поговорить, потом попросить почитать книгу, а потом уже приглашать в кино, но, когда она уже открыла рот, Коля вдруг поднял глаза, покраснел, и Лиза выпалила:

– Пойдешь со мной в кино.

Это был не вопрос, не предложение, а констатация факта. Сметанкин не сопротивлялся. Свидание состоялось по всем правилам: Коля принес замороженную гвоздичку со слегка измоленным стеблем, взял Елизавету под руку и поволокся за ней в кассу. Сметанкин не сопротивлялся даже тогда, когда Кротова потребовала билеты в последний ряд. Он хорохорился изо всех сил и старался выглядеть по-взрослому. Получалось плохо.

Тщетно прождав весь сеанс, когда он положит руку ей хоть куда-нибудь, Лиза решила проявить инициативу. Сметанкину не было позволено распрощаться с ней у подъезда.

– Тут холодно, – сурово сказала Кротова и затащила жертву внутрь. В подъезде было тихо, сумрачно и романтично.

– Ну?! – Лиза убрала руки за спину и с интересом начала рассматривать оплавленный плафон на потолке.

– Было очень весело, – неуверенно проблеял Коля. – Спасибо за приятный вечер.

– Пожалуйста, – с угрозой процедила Елизавета.

Сметанкин неуверенно приподнялся на цыпочках и чмокнул девушку куда-то в подбородок.

– Ты что, я не такая, – удовлетворенно покраснела Кротова и со слоновьей грацией ломанулась вверх по лестнице. Сметанкин выскользнул из подъезда и с облегчением побежал домой. С тех пор он старательно избегал Кротову.

Потом был толстяк Юра, любивший повеселиться и погулять. При расставании Елизавета, пытавшаяся удержать кавалера, узнала, что была благодетельствована лишь из интереса к ее крупным формам, для пополнения коллекции.

– Мужик все в жизни должен попробовать, чтобы иметь возможность сравнивать, – пояснил Юра свою глубокую мысль. За которую получил мощный удар в челюсть. Оскорбленная подобным подходом и почувствовавшая себя надкушенным фруктом, Кротова потом долго доказывала участковому, что это было не избиение, как трактовал ситуацию Юра, а пощечина,

на которую имела право любая уважающая себя девушка. Участковый откровенно веселился и строил глазки. Елизавета подумала и ответила взаимностью. Отчасти потому, что мужчина ей нравился, отчасти, чтобы замять неприятную ситуацию с требовавшим сатисфакции Юрой.

Звали стража порядка Василием, и был он мужчиной крупным, солидным и обстоятельным. Единственным недостатком была любовь к горячительным напиткам. Кротова не выдержала прозы жизни и рассталась с очередным возлюбленным.

Одиночество затянулось на несколько лет и было прервано встречей с обаятельным ремонтником. Рукастый красавец Владик был найден по объявлению и должен был поклеить обои в кротовской квартире. Маме он нравился ровно до того момента, пока не выяснилось, что ему чрезвычайно симпатична Елизавета. Сама же Елизавета, наоборот, не интересовалась парнем, пока не обнаружила, что она ему не безразлична. Расплатившись за сделанную работу, она внезапно получила крохотный букет, подозрительно напоминавший герань и пахший так же, и поймала туманно-застенчивый взгляд красивых глаз. Кротова растаяла, и Владик остался жить в ее квартире. Кроме того, что он жил, он еще ел, пил и пачкал. Хотя, вернее было бы сказать, что пил Владик не только с Катиными домочадцами, но и без них. С новоявленными родственниками он уже доходил до кондиции, что не устраивало ни устававшую после рабочей смены маму, ни тяжелую на руку Елизавету. Выгнать кавалера оказалось делом непростым: Владик валился в ноги, пускал слезу и проявлял недюжинную фантазию в давящих на жалость рассказах и клятвенных обещаниях «больше никогда ни за что ни капли». После Владика были еще краткосрочные знакомства, но ничего серьезного в жизни Лизы так и не случилось. Двадцать шесть лет казались цифрой критической. Уверенность в своих силах медленно, но верно пропадала, хотя Елизавета продолжала держать марку и громогласно заявлять о равенстве прав мужчины и женщины, распуская тем самым последних возможных женихов.

И тут появился Толик.

Он вполне соответствовал идеалу мужа и мужчины, что уже настораживало недоверчивую Кротову. Но подвох никак не находился, несмотря на кропотливую развед деятельность.

– Не хочу в очередной раз остаться в дураках, – поясняла она маме.

– Ты так не в дураках, а в девках останешься, – морщилась Яна Игнатьевна – Лизина мама – и молча страдала. Спорить с дочерью было бесполезно. Лиза считала, что неудачи в любви дают ей право считать себя тертым калачом межполовых баталий и психологом семейных отношений. Она училась на своих и чужих ошибках, впитывая информацию по крохам и систематизируя ее. В результате собирательный образ отдельного представителя сильной половины человечества выглядел крайне неприятно, поскольку, как известно, сколько людей, столько недостатков, а собранные в некое подобие даже не букета, а целого снопа, они обезображивали девичью мечту до неузнаваемости. Среднестатистический мужчина, доставшийся подругам, знакомым и малознакомым дамам, был ленив, неопрятен, груб, пьющ, гулящ, недалек и слаб. Зато Кротова знала, как с ним бороться и какого искать, чтобы потом не сожалеть о поставленном в паспорте штампе.

Толик от всей этой некондиции весьма выгодно отличался. Но многократно обманувшаяся в своих надеждах Лиза зареклась строить планы заранее. Она ждала инициативы от кавалера, а он хоть и медленно, но стабильно взбирался по лестнице новых отношений, ступенька за ступенькой преодолевая все дамские капризы. На Елизавету он смотрел с восторгом пятилетнего мальчишки, которому вместо одной порции эскимо достался килограмм мороженого.

– Лизка, ты такая... – восхищенно закатывал он глаза.

– Какая? – тут же уточняла Кротова. Одним из немногочисленных недостатков Толика было его неумение облекать мысли в словесную оболочку. Промежутки в речевых конструкциях он заполнял нечленораздельными междометиями и нецензурными словами. Но после любого непечатного возгласа он тут же краснел и галантно бормотал «извиняюсь». Лиза, хотя

и знала, что переделать под себя взрослого состоявшегося мужчину задача невыполнимая, тем не менее упорно пыталась научить любимого изыскаться более внятно.

– Ну, такая! – Толик чертил в воздухе какие-то фигуры и цокал языком. – Ого-го! Ух! Вообще!

Если пару месяцев назад Лиза и мечтать не могла о столь искренних комплиментах, то теперь ей было недостаточно тарзаных воплей. Аппетит приходит во время еды. Кротовой мечталось о красивых словах и утонченных серенадах, хотя в душе она готова была обойтись и безо всей этой ерунды. Лишь бы неласковый ветер перемен не сдул любимого, как сухой кленовый лист.

Дорогу осилит идущий. Эта простенькая истина поддерживала Катю в нелегком поиске нового рабочего места. Она заполняла анкеты, штудировала справочники по делопроизводству, компьютерам и даже Интернету. Она изучала рынок труда, присматривалась к требованиям работодателей и училась на чужом опыте, жадно впитывая обрывки разговоров в очередях соискательниц, обивавших пороги фирм по трудоустройству. Она узнала, что идти на биржу труда бессмысленно, что работодатели бывают нечисты на руку, что просить надо больше, чем хочешь, что соглашаться надо на все, а разбираться уже на месте, что про опыт работы надо врать, ссылаясь на то, что работала не по трудовой книжке. В голове ворочалась тяжелая информационная масса, день ото дня пополнявшаяся новыми сведениями. Оказывается, жизнь за пределами библиотеки была совсем другой. Люди оперировали совершенно иными суммами, жили другими ценностями, и даже совсем юные создания обладали куда большим опытом, чем Катерина. Она чувствовала себя графом Монте-Кристо, рывшим подкоп в новую жизнь. Оказалось, что она совсем не так одевается, что запросто может оттолкнуть не только работодателя, но и сотрудника, принимавшего анкету. Как выяснилось, они по итогам собеседования делали какие-то пометки на анкете, давая ей ход или скидывая в папку невос требованных. Наивные бредни про то, что встречают по одежке, а провожают по уму, Кате предложили забыть, поскольку при устройстве на работу была важна именно встреча, а вот как раз до проводов по уму дело могло и не дойти. Она старалась следовать всем советам, но тем не менее работодатели почему-то не замечали ее анкету, и еще ни в одну фирму на собеседование ее так и не вызвали.

Целый месяц Катя жила в настоящем аду, не имея ни моральных, ни физических сил противостоять своим новым соседям. Никто не задавался целью довести ее до нервного срыва, люди жили так, как привыкли, а рафинированная интеллигентка, случайно затесавшаяся в их теплую компанию, была инородным телом, претендовавшим непонятно на что.

– Ты должна уметь себя поставить, – разводил руками Саша. – Они чувствуют твою слабость. За жизнь надо цепляться зубами, грызть и рвать, только тогда есть шанс подняться над ней и плюнуть вниз на толпу, которую победила.

Александр любил рассуждать красиво и непонятно. Его философские эссе, озвучиваемые в ночной темноте, скрадывавшей убожество обстановки, не имели никакой практической ценности, ибо их применение на общей кухне было не только невозможно, но и крайне опасно. Катерина не желала бороться с толпой и тем более возвеличиваться и плевать на кого-то вниз. Больше всего после работы и долгих поисков нового места на рынке труда хотелось покоя и уединения, а не грызть, рвать и бороться.

На ее робкие жалобы о том, что ничего не получается, Саша резонно замечал, что странно было бы надеяться на что-то с дипломом библиотекаря. Самым разумным выходом ему казалось получение второго образования.

– Иди на экономический или хотя бы на бухгалтерские курсы. Будешь у нас бухгалтером. Своя фирма, деньги никому на сторону платить не придется.

– Я не смогу, – испугалась Катя, у которой о школьной программе по математике остались самые гадкие воспоминания. Тройку ей всегда натягивали из жалости и за хорошее поведение.

– В чем-то он прав, – задумчиво нахмурилась Елизавета, пришедшая к подруге на работу попить чайку и поболтать. – Почему бы и нет? Можно еще в журналистику или вообще в писатели податься. Главное – нишу свою найди!

– Лизка, а почему тебе не попробовать в балет? Говорят, у них там больше платят, чем в школе! – раздраженно парировала Катя, ждавшая поддержки, а получившая новое предложение.

– В балет не могу – я им сцену проломлю, – печально оттопырила губу Лиза и расхохоталась. – А почему выдавать книжки ты можешь, а писать – нет?

– А почему ты на концерты ходишь, а сама не поешь?

– Ну дак, мать моя, кто ж меня слушать-то будет?! Меня даже мама с кухни выгоняет, когда я ей классику исполняю.

– Вот-вот. Как тебя будут слушать, так меня будут читать. Ерунду говоришь!

– Не ерунду, – просветленно заморгала Елизавета. – Зато на фоне всей этой болтовни стало ясно, что бухгалтерские курсы – вполне реальная цель. Тем более что работать будешь в Сашиной фирме. Может, им только бухгалтера там не хватает, чтобы начать нормально функционировать и зарабатывать денежки!

– Бухгалтерские курсы денег стоят. И не факт, что я потом эти деньги отработаю. У Саши пока вообще не получается с прибылью, так что если я к ним работать пойду, то мы вообще лапу сосать будем. А сейчас я хоть какие-то копейки, но приношу.

– Фу, какая меркантильная ты баба! – обрадовалась Кротова. – Вот это уже мне нравится. Только я не очень понимаю, на какие шиши он с Толиком в баню ходит?

– Говорит, что Толик его приглашает.

– Да? – нахмурилась Елизавета. – Лучше бы он меня куда-нибудь пригласил.

– Так он же тебя и так по кафешкам водит, сама говорила, – удивилась Катя.

– Ну и что. А в бане мы с ним еще не были!

– Тебе денег жалко? Толиковых?

– Не надо хамить. Бюджет у нас пока еще не общий. Мне не нравится, что твой парень ведет себя как приспособленец. Ты его кормишь, Толик моет. Хорошо устроился. Бухгалтер ему нужен. А где он тогда собирается брать деньги на курсы?

– Сказал взять пока у родителей, а мы потом отдадим, – понурилась Катерина.

– Как-то несимпатично, – резюмировала Лиза. – Все за чужой счет. Других идей не было?

– Откуда им взяться? Выбор у нас не особенно богат.

– Ладно. У тебя всегда остается шанс начать писать книги или петь, – обнадежила ее Кротова. – Можем начать вместе ходить по вагонам и продавать китайские ручки и прищепки. Без работы не останемся.

– Да я и так не безработная. Хотелось бы все– таки еще и зарплату поприличнее, – уныло вздохнула Катя. – И от уроков этих квартирных я устала. Сашке хорошо, он там как сметана в борще, а я как хрен в пирожном. Они меня достали: в туалет по расписанию, в ванную вообще не попасть: там либо любовью кто-то занимается, либо белье замочено, на кухне конфорки все заняты. У нас общая с одной старухой, так эта ведьма регулярно там какую-то траву варит. На водяной бане. Вонючка на всю кухню. Обещала, если буду пререкалась, порчу наслать или отравить. Представляешь? Я теперь еду по ночам готовлю и кастрюлю стерегу, чтобы она и правда туда дряни какой-нибудь не накидала.

– Не представляю, – искренне посочувствовала ей Кротова. – Условия, близкие к полевым. Пора уже минные поля организовывать и десантироваться в тылы врага. Хочешь, я к тебе туда в гости приду?

Кате, конечно, хотелось бы, чтобы хоть раз на ее стороне была тяжелая артиллерия в виде Елизаветы Кротовой, которая, несмотря на отсутствие опыта проживания в коммунальной квартире, умела донести до окружающих непререкаемость своего мнения и настоять на своем. Но одна мысль о том, что Лиза увидит, как она живет, вернее, в каких условиях живет бизнесмен Саша, приводила Катерину в ужас. Это ей Саша весьма спокойно сказал, что все нынешние олигархи начинали в общежитиях с копеек, а вот сможет ли она столь же уверенно объяснить это Елизавете, которая и так считает подругу не от мира сего? Вряд ли.

– Не, Лизка, спасибо. Не надо, наверное.

– Как знаешь. Было бы предложено.

Чудеса случаются тогда, когда их не ждут. Так рыба клюет, когда отчаявшийся рыбак уже готовится смотать удочки, а дождь начинается, когда вы забываете дома зонт.

Катерина сидела на работе и вяло занималась проверкой формуляров, выписывая должников в отдельный список.

Коллега по работе, вечно недовольная и желчная Алла Михайловна, выговаривала ей за сожженный чайник. Аллу за глаза звали мегерой, поскольку в хорошем расположении духа она не бывала никогда. Даже в день получения зарплаты она злобно нападала на правительство, вогнавшее бюджетников в финансовую яму, в тщетной надежде найти оппонента для спора. Все трусливо отмалчивались, старательно сохраняя крохи оптимизма.

Самым обидным было то, что чайник Катя действительно сожгла. И хорошо еще, что это не стало причиной пожара. Поэтому было вдвойне обидно: сама дала этой климактерической истеричке повод для разговоров на целый день.

Мобильный слабо завибрировал в сумке, словно колокол на воротах судьбы.

– Екатерина Николаева?

– Да, – Катя подобралась от официального и, как ей показалось, неприязненного тона.

– Вы сможете сегодня к семи вечера подъехать в офис фирмы «Вакансия»?

Это была одна из первых контор по трудоустройству, посещенных Катериной.

– Да! – Катя заорала так, что Алла Михайловна просыпала сахар мимо кружки и с ненавистью, смешанной с любопытством, уставилась на девушку.

– Хорошо. Ждем.

Одурев от счастья, Катерина еще некоторое время прижимала трубку к покрасневшему уху, не веря, что голос ей не приснился.

– Николаева! Я буду ставить на общем собрании вопрос о твоём увольнении. Неслыханная наглость! Никакого чувства ответственности...

– Отвяжись, жаба! – неожиданно храбро и весело перебила ее Катя. – Я сегодня ухожу раньше, по семейным обстоятельствам.

Вопреки ожиданиям Алла Михайловна захлопнула рот и озадаченно затихла.

Молнией принесясь домой, Катерина схватила новый брючный костюм, убедилась в том, что он отглажен, и полетела в ванную.

– Я щас стирать буду, – навстречу ей пыхтела по бесконечному коридору грудастая тетка из последней комнаты. Катя никак не могла запомнить, как ее зовут, то ли Виолетта, то ли Анжелика, но голос ее распознавала сразу. Так ни с чем не спутаешь циркулярную пилу или пожарную сирену.

Катя молча юркнула вперед и закрыла дверь на задвижку. Под мощные удары в стену и душераздирающие вопли она помыла голову и огляделась. Несмотря на вспышку смелости, здравый смысл подсказывал, что выходить на бой с голыми руками нецелесообразно. Тем более что свежий фингал никак не способствует нахождению общего языка с новым работодателем. С трудом стащив со стены огромную цинковую ванну, она открыла дверь и, используя ее как щит,

начала отступать к комнате, прячась, как черепаха в панцире. Для устрашения оппонентки Катя на всякий случай повыла внутри и даже рыкнула пару раз. Озадаченная таким маневром соседка ограничилась лишь парой осторожных нецензурных слов, а похмельный токарь, проснувшийся с мыслью о настойке боярышника, решил, что у него началась белая горячка.

В офисе «Вакансии» было тихо и пусто. Сердце Катерины тоскливо сжалось от предчувствия непоправимого. Подергав запертые двери кабинетов и деликатно покричав в темноту, Катя устало опустилась на диван. Просидев минут двадцать и обнаружив, что время «Ч» уже прошло, она собралась уходить.

– Ой, вы Николаева? – ее чуть не сбила с ног миниатюрная блондинка.

– Я, – в робкой надежде кивнула Катя.

– Клиент был?

– Никого не было...

– Уф! А я думала – опоздала! – доверительно хихикнула блондинка и добавила: – Я Ася.

– Очень приятно.

– Значит, так, слушай внимательно. Клиент весь на понтах, но денежный. Зарплату предлагает на испытательный срок триста, дальше – как понравится...

– Рублей?

– Не остри.

– Долларов?!

– Ты издеваешься?! – блондинка даже приподнялась в кресле, угрожающе нависнув над столом. – Конечно, долларов! Тебе работа нужна?

– Нужна. Иначе я бы не...

– Молчи и слушай! Фирма называется «ЛеоВи». Спросит, слышала ли о такой, говори «да!». Занимаются торговлей. Чем торгуют – не знаю, всем подряд. Ему нужна серая мышь со скромными запросами, воспитанная, интеллигентная, с английским языком. Испытательный срок – месяц. Кормежка в офисе, полный соцпакет, рабочий день с девяти до шести. Да, тебя берут секретаршей.

Катя нахохлилась. Ей не понравилось про «серую мышь» и должность.

– Я без интима...

– О, – простонала Ася и закатила глаза. – Даже если будешь уговаривать, он не согласится.

– Почему это? – тут же обиделась Катя.

– Так. Тебе как лучше: с интимом или без?

– Без.

– Вот. Порядок. Нет интима. Еще вопросы есть?

Вопросов было море, но они никак не формулировались во что-либо конкретное, размазываясь по сознанию подтаявшим маслом. Надо было срочно что-то придумать, чтобы не молчать, когда придет таинственный работодатель.

Пришел он около восьми вечера, когда обе девушки уже решили, что встречи не будет.

– Я не опоздал? – В офис стремительно вбежал маленький шуплый паренек в джинсовом костюме. За час ожидания Ася успела понарассказывать о будущем шефе столько ужасов, что Катя ждала как минимум монстра со львиным рыком и плетью в волосатом кулаке.

– Нет, – расплылась Ася. – Проходите.

– Да я на минутку. Девушку забрать.

– Куда забрать? – испугалась Катя и затравленно посмотрела на радостно улыбавшуюся блондинку.

– Конечно-конечно. Без проблем. Забирайте!

– Прошу, – парень картинно поклонился, пропуская Катю вперед. – Вас ждут.

– Кто? Где? – заплотшно причитала Катерина, уже строившая в мыслях чудовищные варианты продолжения этого вечера.

– Люди. Хорошие и душевные, – успокоил ее «джинсовый».

В полуобморочном состоянии она загрузилась в машину, утешая себя только одним: кто не рискует, тот не выигрывает.

Самым логичным казался вариант, что ее сейчас используют, как девочку по вызову. Или что должность секретаря все-таки предполагает интим.

Ощущая себя жертвой, она гордо вскинула подбородок и, как комсомолка на расстрел, на не гнущихся от ужаса ногах вошла в двухэтажный особнячок весьма обшарпанного вида, но со стеклопакетами по всему фасаду.

Душевными людьми оказались четыре мужика, восседавшие в огромном кабинете за полированным столом, поставленным буквой Т. Вернее, трое сидели рядом, а четвертый, носатый брюнет, венчал конструкцию, занимая хозяйское место во главе.

– Девушка доставлена, – весело отрапортовал водитель, впихнув Катю в кабинет и захлопнув за нею дверь. Прижавшись к косяку, она затравленно оглядела «экзаменационную комиссию». Комиссия, в свою очередь, разглядывала ее.

– Прошу прощения, что встречу пришлось назначить на столь позднее время, – неожиданно бархатым голосом прогудел брюнет. – Мы вас надолго не задержим. Итак, давайте сразу к делу.

Он открыл толстый регистратор и пошуршал подшитыми листами:

– Вы – Екатерина Егоровна.

– Егоровна, – сиплым эхом повторила Катя.

– Ну, расскажите о себе.

Предложение озвучить свою малоинтересную для постороннего уха биографию чрезвычайно озадачило девушку. Она была готова предельно честно отвечать на вопросы, но рассказывать – нет.

– Это слишком долго, – вывернулась она. – Вы лучше спросите, что вам интересно.

– А нам вообще ничего не интересно, – подал желчную реплику худой, болезненного вида мужик, одетый, в отличие от всех остальных, не в офисный костюм, а в джемпер понурого темно-бордового цвета, из-под которого неровно высывался воротник клетчатой рубахи. – Мы домой хотим.

– Андрюша, ты не хочешь домой, – железным тоном отчеканил брюнет.

– Я не хочу домой, я не хочу домой, – с клоунской покорностью начал бормотать худой.

Поняв, что невольно стала причиной конфликта, и не понимая соотношения сил в коллективе, Катя торопливо пояснила:

– Я хочу у вас работать.

– Замечательно, – воодушевился брюнет. – Кем?

– Всем!

– То есть – каждому? – уточнил Андрей, криво усмехнувшись.

– Сейчас докаламбуришься, – угрожающе оборвал его брюнет.

Самое удивительное, что остальные сидели абсолютно безучастно, словно в кабинете вообще ничего не происходило. Полный, круглолицый и розовощекий шатен что-то сосредоточенно писал на листе бумаги, а предпенсионного вида дядечка, похожий на плешивого коlobка, похоже, дремал.

– Итак, Екатерина, как вы себе представляете работу у нас?

Если быть честной, то Катя никак не представляла себе работу в условиях евростандарта и обилия оргтехники. Она была здесь инородным элементом, как верблюд на Северном полюсе.

Затянувшуюся паузу неожиданно прервал круглолицый:

– Вы работали раньше секретарем?

– Да! – не моргнув глазом соврала Катя, еще минуту назад собиравшаяся говорить правду и только правду. Здравый смысл подсказывал, что в данном случае ее чрезмерная откровенность может только навредить.

– На какой уровень оплаты вы рассчитываете? – Похоже, шатен считывал вопросы со своего листа.

– На высокий, – нагло ответила Катерина, боясь продешевить.

– А точнее?

– На адекватный моим обязанностям, – эта мысль, явно чужая и неизвестно где подслушанная, выплыла из глубин сознания и выбросилась перед изумленными работодателями, как диковинная рыбина, невесть откуда взявшаяся в обычном деревенском пруду.

Даже дремавший дедок встрепенулся и выдал:

– Хорошая девушка. Я за.

– Да, да, – закивал Андрей. – Я тоже за. Именно такую фею я и представлял в приемной. Круглолицый дипломатично промолчал, уловив закипавшее во взгляде главного бешенство.

Катя растерянно переводила взгляд с одного на другого, плохо понимая, что здесь происходит. Ощущение было такое, словно народ собрался репетировать спектакль и только на месте понял, что нет ни сценария, ни режиссера.

– Что бы я вам сейчас о себе ни рассказала, – храбро сообщила она, – запросто может оказаться неправдой. Или вполне вероятно, что я сильно высокого мнения о своих достоинствах. В любом случае – как сотрудник я могу себя показать только в процессе работы, а никак не на собеседовании.

Вероятно, именно эта фраза и спасла ситуацию от полного краха. Если бы Катерина знала, что является шестьдесят второй претенденткой на кресло в приемной и что эта комиссия собирается уже почти целый месяц, отсматривая и бракуя соискательниц, то ей было бы легче. Или сложнее. Но, к счастью, все сложилось так, как сложилось. Утомленные собственной разборчивостью будущие начальники уже созрели, чтобы взять все равно кого, и именно в этот момент явилась Екатерина Николаева, чтобы осчастливить фирму «ЛеоВи». Дело в том, что шеф, он же хозяин предприятия Леонид Викторович Крягин, по первым буквам имени и отчества которого и была названа фирма, хотел получить на должность секретаря невероятный симбиоз исполнительности, ответственности, опыта, молодости и неброской внешности, не лишенной некоего шарма. Технический директор, Андрей Вихрев, ближайший друг шефа и самозабвенный бабник, хотел секретаршу из анекдотов: с грудью, ногами и повышенной коммуникабельностью. При этом он понимал, что подобные требования идут вразрез с интересами фирмы, и, смирившись, пытался уклониться от неприятной повинности выбирать совершенно бесполезную, с точки зрения романтики, девицу. Точно так же безнадежно и покорно относился к процедуре главный бухгалтер Сергей Борисович Шумахер. В своем активе Шумахер имел сорокалетний опыт бухгалтерской деятельности, двух дочерей, семьи которых он теперь был вынужден содержать, и горластую супругу, с которой они прожили более тридцати лет и которую Сергей Борисович никогда не променял бы ни на какие сокровища мира. Супруга не любила, когда он задерживался на работе, поэтому Шумахер не меньше других был заинтересован в скорейшем прекращении ежедневных смотрин. Девушки его давным-давно не интересовали, благо еще по молодости Фаина Марковна отбила у него охоту заглядываться на чужие прелести, поэтому молоденькие кандидатки, старавшиеся понравиться всем сразу, вызывали у Сергея Борисовича изжогу и печальные мысли об остывающем ужине. Он тоскливо косился на неразборчивые каракули, выводимые «Паркером» юриста, и подремывал. Юридический консультант Кирилл Антонович, носивший веселую фамилию Клейстер, в отличие от остальных не имел права расслабляться. Именно ему вменялось в обязанность выяснить все подводные камни и подвохи, которые могла таить в себе новая сотрудница. Обычно скорый на расправу

Леонид Викторович в любом недосмотре обвинял Клейстера, будь то не туда отправленный факс, договор, заключенный не с той фирмой, или просто опоздание кого-то из сотрудников. Спорить было бесполезно и нецелесообразно. Кроме того, Кирилл Антонович чувствовал себя обязанным отрабатывать свою немаленькую зарплату. Он строчил инструкции для нерадивых подчиненных, следил за порядком и, по сути, был в курсе всех дел, творящихся на фирме. Необходимость сменить секретаря застала его врасплох. Клейстер привык продумывать любую ситуацию на несколько шагов вперед, ориентируясь исключительно на негативные варианты. Позитив был вне его компетенции. Таким образом, он допускал, что новая секретарша может оказаться воровкой на доверии, шпионкой конкурентов, засланным казачком от налоговой инспекции или просто безмозглой курицей, которая однажды сотворит по глупости что-нибудь чудовищное. К какой категории отнести Катерину, он еще не решил, поэтому страшно мучился и пытался придумать каверзный вопрос, который раскроет ее сущность.

– За что вас уволили с предыдущей работы? – дозрел наконец Кирилл Антонович и победоносно посмотрел на соискательницу.

– Кира, да хватит уже, и так все ясно, – забубнил Сергей Борисович, рассасывая таблетку от гастрита. Вкус был мерзким. Таким же, как и сама процедура отбора.

– Действительно, – согласился Андрей. – Очаровательная девушка, все при ней...

Катя покраснела от смешанного чувства удовольствия и испуга: судя по тому, каким взглядом утюжил ее этот нагловатый брюнет, интим все-таки предполагался.

– Никто не возражает, если я решу, когда хватит? – рыкнул Крягин.

Как ни странно, никто не возражал.

– Я еще не уволилась, – торопливо доложила Катерина. – То есть с того места я ушла, потому что фирма закрылась, а сейчас я временно работаю в библиотеке.

Это вранье было придумано совместно с Кротовой. И, глядя на елочку паркета, сыто поблескивавшего под ногами, Катерина подумала, что ввязывается во что-то не то. Во всяком случае, без вранья она чувствовала бы себя увереннее.

– Да без вранья с тобой бы и разговаривать никто не стал! – заорала Кротова, едва только услышала из уст подруги это предположение. – Кому ты нужна – библиотекарша?! Щепетильная ты наша! Чтобы дойти до вершины, надо уметь перешагивать через сломанные ступени, а твое «библиотекарство» – именно сломанная ступень, даже яма, а не что-то там другое!

– Лизка, мне страшно!

– Это хорошо. Значит, еще не все чувства атрофировались, – удовлетворенно констатировала Кротова, фыркнув в трубку. – А то после того, как ты переехала в свою «воронью слободку», я уж стала опасаться: не совсем ли ты, мать, спятила?

Катя затравленно оглянулась, боясь, что соседи помешают разговаривать, и зашептала:

– Мне сказали на следующей неделе выходить. Как быть-то?

– Как? Что за дурацкие вопросы? Выходить, естественно!

– А если ничего не получится?

– А если рак свистнет? Кулема ты, честное слово. Волков бояться – в лес не ходить.

– Смелая ты, Кротова, когда тебя не касается.

– Да я всегда смелая. И когда меня касается – тоже.

– Согласно статистике, между прочим, далеко не все смельчаки из леса возвращаются. Кого-то волки все-таки съедают. Не хотелось бы попасть в эту печальную группу, – уныло вздохнула Катя.

– Вот только не надо программировать себя на негатив.

– На что еще программировать, если жизнь вокруг – сплошной негатив? Надо трезво смотреть на вещи.

– У тебя Салтыков-Щедрин в библиотеке есть?

- Есть, – удивилась Катерина. – А тебе зачем?
- Мне – незачем. Вот тебе надо перечитать классика. Про премудрого пескаря.
- Тьфу на тебя. Все шуточки, а у меня судьба решается. И увольняться страшно, и шанса другого может не представиться!
- Даже не сомневайся. Другого такого шанса у тебя и быть не может. Этот-то случайно обломился. Хватай и беги, пока не догнали. И увольняться не обязательно. Возьми отпуск за свой счет, посекреттуй...
- Как тебе не стыдно!
- Ладно, какие мы белые и пушистые, – загоготала Лиза. – Тогда посекретарствуй. Суть от этого не меняется. Кстати, у твоего Саши секретарша есть?
- Нет.
- Хорошо. Одним рогом меньше.
- Лиза, да они не такие! Там все прилично!
- Мужиков много?
- Не знаю. Пока только четырех видела. А что? Зачем тебе это?
- Глупее вопроса ты придумать не могла? Зачем, по-твоему, мужики?
- У меня Саша есть!
- Вот он – махровый эгоизм. А о подруге подумать? – заголосила Елизавета.
- Лизка, как тебе не стыдно? Ведь Толик...
- Толик, Толик... Мало ли. Все они маслом мазаны и как ужи из рук выскальзывают. Мне нужен запасной вариант.

Родителям и Саше Катерина решила пока ничего не говорить. Подсознательно она не верила в свои силы и боялась опозориться. Получить отпуск на работе оказалось не так уж сложно, сложнее было впервые перешагнуть порог нового офиса.

Психологический инструктаж, проведенный накануне Кротовой, был больше похож на психиатрическую экспертизу. Елизавета моделировала чудовищные ситуации общения, орала, запугивала страшными историями из опыта знакомых, но в результате осталась довольна.

– Выдержишь. Зуб даю, – удовлетворенно резюмировала Лиза. – Только с первого дня со всеми бабами будь медово-сахарной. Я в бабском коллективе работаю, знаю, о чем говорю.

– Можно подумать, я слесарями команду, – хихикнула Катя. – Сама знаю.

– Не знаешь. У вас там другой уровень конфронтации. Мужиков отшивай вежливо, но твердо, даже если кто понравится. Если он уже кем-то забронирован, тебя в два счета выживут. Проще быть новенькой ученицей в спецшколе для трудных подростков, чем новой секретаршей на хорошем окладе.

Железная дверь, наглухо вмурованная в облезлую стену, была закрыта. С трудом найдя на косяке крохотную кнопочку звонка, Катя нажала и отскочила в сторону. Сердце бешено колотилось, мешая дышать и сосредотачиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.